

## БОРЬБА С ГОЛОДАЮЩИМИ.

Какую удивительную заботливость о голодающих проявляет наше правительство! Какой длинейший циркуляр (от 17 августа) выпустил министр внутренних дел к губернаторам пострадавших губерний! Это целое литературное произведение объемом больше обыкновенного печатного листа, изясняющее устами г. Сипягина всю политику правительства в продовольственном деле. Опубликованием этого произведения рассчитывали, очевидно, произвести впечатление на «общество»: вот, дескать, как мы попечительны, как мы торопимся с мерами помощи, как мы заранее предусматриваем и организацию продовольственных учреждений и все виды и стороны их деятельности. И нельзя не сознаться, что циркуляр министерства внутренних дел действительно производит впечатление и не только своей величиной, но также (если иметь терпение дочитать до конца) и своим содержанием. Откровенное изложение правительственной программы дает всегда в руки лучшее орудие для агитации против царского правительства, и, принося свою почтительную благодарность г. Сипягину, мы осмеливаемся рекомендовать и остальным гг. министрам почаще говорить о своей программе в циркулярах, публикуемых во всеобщее сведение.

Мы сказали: если иметь терпение дочитать циркуляр г. Сипягина до конца. Терпения на это надо не мало, ибо на три четверти... — какое! на девять десятых — циркуляр наполнен обычным казенным пустословием. Разжевывание вещей давным давно известных и сотни раз повторенных даже в «Своде законов», хождение кругом да около, расписывание подробностей китайского церемониала сношений между мандаринами, великолепный канцелярский стиль с периодами в 36 строк и с «речениями», от которых больно становится за родную русскую речь, — когда вчитываешься в эту прелесть, чувствуешь себя точно в русском полицейском участке, в котором от стен отдает затхлостью, отовсюду несет какой-то специфической вонью, чиновники уже по одному своему виду и обращению — олицетворение самой невыносимой волокиты, а виднеющиеся в окно надворные постройки живо напоминают о застенке.

Три главных пункта особенно обращают на себя внимание в новой правительственной программе: во-первых, усиление единоличной власти чиновников, попечение о том, чтобы дух казенщины и служебной дисциплины был укреплен и охранен от всякого дуновения свежего воздуха; во-вторых, определение норм пособия голодающим, т. е. указание, поскольку и как надо рассчитывать количество хлеба на «нуждающуюся» семью; в-третьих, выражение отчаянного ужаса по поводу того, что помогать голодающим бросаются «неблагонадежные» люди, способные возбуждать народ против правительства, и при-

нятие заранее мер против этой «агитации». Остановимся поподробнее на каждом из этих пунктов.

Прошел всего год с тех пор, как правительство отняло у земств заведывание продовольственным делом и передало его в руки земских начальников и уездных с'ездов (закон 12 июня 1900 г.)<sup>1</sup> И вот, раньше еще, чем этот закон успел войти в действие, его уже отменяют простым циркуляром. Достаточно было нескольких сообщений губернаторов, чтобы разувериться в пригодности закона! Это как нельзя лучше показывает, какое значение имеют те законы, которые пекутся как блины в петербургских департаментах, без серьезного обсуждения людьми, действительно сведущими и способными высказать самостоятельное мнение, без серьезного намерения создать лучше удовлетворяющий своей цели порядок, просто по честолюбию какого-нибудь пройдохиста, желающего отличиться и поскорее высказать свою благонамеренность. Земство неблагонамеренно — отнять у него продовольственное дело! Но не успели еще отнять, оказывается, что земские начальники, даже составленные из одних чиновников уездные с'езды как будто все еще слишком много рассуждают: из земских начальников попадались, вероятно, люди, которые имели глупость называть голод голодом, имели наивность думать, что надо бороться с голодом, а не с теми, кто хочет действительно помочь голодающим; в уездных с'ездах некоторые чиновники, не состоящие в ведомстве министерства внутренних дел, обнаруживали, вероятно, такое же непонимание истинных задач «внутренней политики». И вот по простому циркуляру министра создается новое «уездное центральное»... да, да, это не опечатка: «уездное центральное по продовольственной части управление», все назначение которого в том, чтобы не пропускать неблагонамеренных людей, неблагонамеренных мыслей, неблагоприятных поступков по продовольственному делу. Напр., министр находит неблагоприятным и запрещает «преждевременно» (т. е. не перед самой раздачей хлеба) составлять списки нуждающихся: это вызывает в населении «преувеличенные надежды!» «Уездное центральное по продовольственной части управление» сосредоточивается в руках одного лица, а министерство рекомендует при этом уездного предводителя дворянства. И в самом деле: он настолько тесно связан с губернатором, он так много исполняет полицейских обязанностей, что наверно сумеет понять настоящий дух продовольственной политики. И притом он — местный крупный землевладелец, почтенный доверием всех помещиков. Такой человек уже наверно поймет лучше всех глубокую мысль министра о «деморализующем» действии пособий, которые даются людям, «могущим обойтись» и без них. Что касается полномочий губернатора, то министр напоминает о них с самого начала и много раз

повторяет, что губернатор за все ответственен, что губернатору все должны повиноваться, что губернатор должен уметь принимать «особые» меры и т. д. Если и до сих пор губернатор в русской провинции был настоящим сатрапом, от милости которого зависело существование любого учреждения и даже любого лица во «вверенной» губернии, то теперь создается уже настоящее «военное положение» в этом отношении. Необыкновенное усиление строгостей — по поводу помощи голодающим! Это совсем по-русски!

Но усиление строгости, увеличение надзора, все это требует увеличения расходов на чиновничью машину. И министр не позабыл об этом: гг. уездным предводителям дворянства или другим лицам, заведующим «уездным центральным по продовольственной части управлением» будет выдана в возмещение их расходов «особая сумма», «относительно размера коей, — добавляет циркуляр на своем «особом» наречии, — ваше прев-во имеет войти ко мне с надлежащим представлением». Затем на «расходы по делопроизводству» уездных советов — по 1000 р. единовременно, на канцелярские средства губернских присутствий по 1000 — 1500 руб. Канцелярии всего больше будут работать, вся работа и будет состоять в канцелярщине — как же тут не позаботиться о канцелярских средствах? Прежде всего на канцелярии, а что останется, то голодающим.

Г. Сипягин проявляет удивительную настойчивость и изобретательность в изыскании мер сокращения пособия голодающим. Прежде всего он требует, чтобы губернаторы обсудили, какие уезды являются «неблагополучными по урожаю» (окончательно решать этот вопрос будет само министерство: даже губернаторам нельзя доверить, смогут ли они избежать «преувеличений»!). И вот преподаются указания, когда не следует признавать уезда неблагополучным: 1) когда не более трети волостей пострадало; 2) когда недостаток хлеба обычен и хлеб покупается из года в год путем заработка; 3) когда не хватает местных средств для выдачи пособий. Мы видим уже здесь маленький образчик чиновничьего решения продовольственных вопросов: одну мерку на всех! Как велико население в одной трети волостей, как сильно они пострадали, не упали ли обычные «зарботки» в год сильнейшего промышленного кризиса, — это все праздные вопросы после решительных «предписаний» министерства! Но это только цветики, а ягодки дальше будут. Вся суть в том, кого считать нуждающимся и поскольку выдавать пособия. Г. Сипягин рекомендует следующий «приблизительный расчет», который «редко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличенным» (мы больше всего боимся преувеличений; боимся преувеличенных надежд, боимся преувеличенных ссуд! И голод и безработица — все это одни «преувеличения»: таков ясный смысл всех министерских рассуждений). Во-первых, по пробному умолоту определяется «средний сбор с десятины в каждом селении» и затем величина всего посева у каждого хозяина. Почему бы не определить также величины урожаев у хозяев разного достатка? У крестьянской бедноты урожаи ниже и определение «среднего» сбора именно нуждающимся — то и невыгодно. Во-вторых, считается ненуждающимся, у кого приходится не менее 48 пуд. хлеба в год на семью (считая по 12 пудов на трех взрослых и по 6 пуд. на двух детей). Это расчет са-

мого прижимистого кулака: в обыкновенный год даже самые беднейшие крестьяне потребляют хлеба не по 48, а по 80 пуд. в год на семью в 5 — 6 человек, как это известно из описаний крестьянского хозяйства; средний же крестьянин потребляет в обыкновенный год 110 пуд. хлеба на семью в 5 чел. Значит, царское правительство наполовину понижает количество хлеба, необходимое в действительности на продовольствие. В-третьих, «это количество» (т. е. 48 пуд. на семью), — гласит циркуляр, — «уменьшается наполовину в виду того, что рабочий элемент составляет около 50% населения». Правительство неуклонно настаивает на своем правиле, что работать население не должно получить ссуду, ибо оно не может заработать. Но ведь уже раз министр предписал не считать неблагополучными те уезды, где есть обычные заработки. Зачем же второй раз исключать из пособия рабочее население? Ведь всем известно, что в настоящий год не только нет особых заработков, но и обычные — то заработки все упали по случаю кризиса. Ведь само правительство повывсылало из городов в деревни десятки тысяч безработных рабочих! Ведь опыт прежних голодовок доказал, что исключение рабочего населения ведет только к разделу недостаточной ссуды между детьми и взрослыми! Нет, поговорка: «с одного вола двух шкур не дерут» была бы еще слишком лестна для министерства внутренних дел, которое в два приема исключает из числа нуждающихся всех способных к работе! В-четвертых, и это вдвое уменьшенное количество совершенно недостаточного пособия уменьшается еще на  $\frac{1}{3} - \frac{1}{5} - \frac{1}{10}$  «во внимание к приблизительному числу состоятельных хозяев, имеющих запас от прошедшего года или же какой-либо материальный достаток!» Это уже третья шкура с одного и того же вола! Какой еще «достаток» или «запас» могут быть у крестьянина, собравшего не более 48 пуд. хлеба на семью? Всякие остальные заработки сочтены уже дважды, а, кроме того, ведь одним хлебом не может просуществовать даже русский крестьянин при всем нищенстве, до которого его довела политика правительства, гнет капитала и помещиков. Необходим расход и на топливо, и на ремонт дома, и на одежду, и на пищу, кроме хлеба. В обыкновенный год даже беднейшие крестьяне, как это известно из научных описаний крестьянского хозяйства, расходуют более половины своего дохода на другие нужды, кроме хлеба. Если принять во внимание все это, то окажется, что министр определяет нужду в помощи в четыре или в пять раз меньше действительной надобности. Это не борьба с голодом, а борьба с теми, кто хочет действительно помочь голодающим.

И циркуляр заканчивается прямым походом против частных благотворителей. Нередко обнаруживалось, — гремит г. Сипягин, — что иные благотворители стараются возбудить в населении «недовольство существующими порядками и ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству», ведут «противоправительственную агитацию» и проч. Это — обвинения, в сущности, прямо лживые. Известно, что в 1891 г. были рассылаемы прокламации «крестьянских доброхотов», прокламации, справедливо указывавшие народу на его настоящего врага; были, вероятно, и другие попытки агитации на почве голода! Но не было ни одного факта, чтобы, прикрываясь благотворительностью, вели агитацию

революционеры. Масса благотворителей — это несомненный факт — были только благотворителями, и если г. Сипягин ссылается на то, что из них многие — «лица с безупречным политическим прошлым», то ведь кто у нас теперь с «безупречным прошлым»? Даже «высокопоставленные лица» отдавали очень часто в юности дань общедемократическому движению! Мы, конечно, не хотим сказать, чтобы агитация против правительства на почве голода была недозволительна или хотя бы даже нежелательна. Наоборот, агитация необходима всегда и во время голода в особенности. Мы хотим сказать только, что г. Сипягин выдумывает небылицы, стараясь выставить свои страхи и опасения результатом опыта. Мы хотим сказать, что слова г. Сипягина доказывают только одну старую истину: полицейское правительство боится всякого соприкосновения с народом сколько-нибудь независимой и честной интеллигенции, боится всякого правдивого и смелого слова, прямо обращенного к народу, подозревает — и подозревает совершенно справедливо — что одна уже забота о действительном (а не мнимом) удовлетворении нужды будет равносильна агитации против правительства, ибо народ видит, что частные благотворители искренно хотят ему помочь, а чиновники царя мешают этому, урезают помощь, уменьшают размеры нужды, затрудняют устройство столовых и т. д. Теперь новый циркуляр требует прямо «подчинить контролю властей» все пожертвования и приглашения к пожертвованиям, всякие устройства столовых; требует, чтобы все приезжающие «представлялись» губернатору, выбирали себе помощников не иначе, как с его разрешения, давали ему же отчет в своей деятельности!! Кто хочет помогать, подчиняйся полицейским чинам и полицейской системе всяческих урезок помощи и бессовестных сокращений пособий! Кто не хочет подчиняться этой гнусности — тот не смеет помогать: в этом вся суть политики правительства. Г. Сипягин кричит, что голодом «охотно пользуются неблагонадежные в политическом смысле лица для своих преступных целей под личиной помощи ближнему», а вслед за ним вся реакционная печать повторяет этот крик (напр. «Моск. Ведом.»). Какой ужас! Пользоваться народной нуждой для «политики»! На самом деле ужасно, наоборот, то, что в России всякая деятельность, даже самая далекая от политики, филантропическая (благотворительная) деятельность неизбежно ведет к столкновению независимых людей с полицейским произволом и с мерами «пресечения», «запрещения», «ограничения» и проч. и проч. Ужасно то, что правительство прикрывает соображениями высшей политики свое иудушкино стремление — отнять кусок у голодающего, урезать впятеро размер пособий, запретить всем, кроме полицейских чинов, подступать к умирающим от голода! И мы повторяем еще раз призыв, сделанный уже «Искрой»: открыть обличительную кампанию против продовольственной кампании полицейского правительства, разоблачать в бесцензурной свободной печати все безобразия местных сатрапов, всю корыстную тактику урезывания пособий, всю мизерность и недостаточность помощи, жалкое преуменьшение голода и позорную борьбу против тех, кто хочет помогать голодающим! Мы советуем всем, у кого есть хоть капля искреннего чувства к народному бедствию, позаботиться о распространении в народе знакомства с истинным смыслом и значением министерского циркуляра. Ведь только

бесконечной темнотой народа и можно объяснить себе, что подобные циркуляры не вызывают тотчас всеобщего возмущения. И пусть сознательные рабочие, которые всего ближе стоят и к крестьянству и к неразвитым городским массам, возьмут на себя почин в деле разоблачения правительства!

[Н. Ленин]

## ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАЗВРАТ И «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ» ТУПОУМИЕ.

По поводу одной новой программы.

В Минске недавно распространено на русском и еврейском языках следующее воззвание новой «Еврейской Независимой Рабочей Партии»<sup>2</sup>:

### ЕВРЕЙСКАЯ НЕЗАВИСИМАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Взгляды партии.

I. Мы полагаем:

а) что никакая теория не настолько могущественна и неопровержимо верна, чтобы давать право своим приверженцам вести бессознательную массу за собой к цели, которой масса не понимает;

б) что еврейский рабочий класс в настоящее время требует хлеба и знаний и что эти требования должны быть удовлетворены;

в) что преступно приносить в жертву материальные интересы рабочего класса таким политическим целям, которые в настоящее время ему чужды;

г) что рабочий, как всякий человек, имеет право быть сторонником какой ему угодно политической партии и все-таки имеет право защищать свои экономические и культурные интересы и быть членом вполне равноправным в экономических и культурных организациях;

д) что экономические и культурные организации должны стать ему необходимы, как воздух и вода, регулировать его экономические интересы, доставлять ему знания, и что таковыми они могут стать только тогда, когда они будут целями сами по себе, а не служить орудием какой бы то ни было политической партии.

II. Мы находим ненормальным современное положение вещей, при котором экономические организации находятся под руководством преимущественно политического по своим целям «Бунда», потому что:

а) экономическая деятельность является для «Бунда», главным образом, средством революционизировать рабочую массу, и потому «Бунд» намеренно игнорирует в своей экономической деятельности многие безусловно полезные для рабочей массы мероприятия;

б) «Бунд», принимая рабочего, ищущего только хлеба и знаний, в свои, на взгляд массового рабочего, чисто экономические организации, навязывает рабочему свои политические взгляды и стремления, не считаясь с его психикой, привязанностями и стремлениями. Рабочих с не-«бундовскими» взглядами в экономические организации «Бунд» не принимает, а инертно консервативную часть рабочей массы отпугивает своей репутацией политической партии. В результате подобная тактика «Бунда»

вредит организованной массе и жестоко поступает с остальными рабочими, которые тоже ищут союза со своими организованными товарищами;

в) «Бунд» развивает рабочих односторонне, ограждая их от не-«бундовских» взглядов и таким образом вносит в рабочую массу дух умственного порабощения;

г) «Бунд» не допускает в рабочие массы интеллигентные полезные силы, с его политическими взглядами несогласные. «Бунд» исполнил великую историческую миссию, развив дух недовольства своим экономическим положением в рабочем классе, но когда это достигнуто и вся рабочая масса стремится к организации, сделалось невозможным держать экономическую и культурную деятельность в политических тисках «Бунда».

#### Программа партии.

1) Еврейская Независимая Рабочая Партия имеет целью поднятие материального и культурного уровня еврейского пролетариата посредством культурно-экономических организаций как нелегальных, так и легальных по мере возможности. На практике эта цель сводится: а) к развитию широких экономических организаций трэд-юнионов, касс, клубов, ассоциаций, б) к развитию среди рабочего класса научных и профессиональных знаний и к воспитанию его для коллективной жизни.

2) Партия в целом не выставляет себе никаких политических целей и касается политических вопросов лишь в той мере, поскольку они затрагивают повседневные интересы рабочих.

3) Партия объединяет для экономической и культурной деятельности рабочих всяких политических взглядов и совсем без таковых.

4) Организация партии демократическая, т. е. управляется снизу, а не сверху.

#### Еврейская Независимая Рабочая Партия.

В мотивировке взглядов новой партии мы находим много знакомого. Здесь, наконец, последовательно проведены все основные положения того направления, которое принято называть «экономическим» и которое до сих пор не договаривалось до конца в гласных заявлениях и программах.

Никакая теория не настолько истинна, чтобы давать право своим приверженцам вести за собой бессознательную массу. Да ведь это только полное выражение тех взглядов на значение «теории», т. е. социалистических принципов, которые проповедывались нашими «экономистами». Для них социалистические принципы всегда были только «книжной выдумкой» — продуктом более или менее гениальных умов, а не выражением действительного хода общественного развития, не выросшей из многолетнего опыта всемирного пролетариата формулировкой общих интересов рабочего класса. Для них между интересами рабочего класса и «теорией» лежала пропасть, и всякая попытка подчинить сознательное движение рабочих требованиям «теории», т. е. социал-демократической программы, казалась «навязыванием рабочему своих политических взглядов», в чем независимая партия обвиняет «общееврейский рабочий союз» («Бунд»).

«Противоположность своей программы и своей группы движению, как чего-то самостоятельного, как верховной теоретической инстанции, как духа, витающего над бес-

форменным хаосом — такова позиция, которую заняли «Искра» и «Заря», говорит Б. Кричевский в своей последней статье («Рабочее Дело», ном. 10, стр. 29). Мы видим, что Кричевский обвиняет «Искру» и «Зарю», а вместе с ними и всю социал-демократию, в том, что они свою программу и свою «группу» ставят выше рабочего движения, как оно есть, хотя бы в данную минуту это движение шло ошибочным путем, напр., было направлено против инородных рабочих или против социализма, или против политической свободы. «Еврейская Независимая Рабочая Партия» вполне согласна с Кричевским в том, что «движение» бессознательной массы должно вести за собой «теорию», а не обратно. (Не пригласит ли «Независимая Рабочая Партия» Кричевского в редакторы ее изданий? Дух его, во всяком случае, уже теперь «витает над бесформенным хаосом» новой «партии»).

„Еврейский рабочий класс требует в настоящее время хлеба и знаний“, а потому «преступно приносить в жертву материальные интересы рабочего класса таким политическим целям, которые в настоящее время ему чужды». Опять знакомая песня о том, что агитационная и организационная работа должна вестись вокруг тех требований и только тех, которые уже «сознаны» массой (см. напр., статью В. И.—на в «Раб. Деле», № 2—3). Принимая это положение, люди, конечно, могут расхотеться в оценке того, какие требования уже сознаны данной массой; но это разногласие не поколеблет согласия в принципе: не действительные интересы рабочего класса, а те интересы, которые он уже сознал, должны определять собой деятельность партии. И это вполне логично: если рабочая масса сегодня понимает свои интересы не так, как понимала их вчера, то как же нам судить о том, что такое ее действительные интересы? Мы, социал-демократы, судим об этих интересах, руководствуясь своей «теорией», т. е. продуманным опытом движения мирового пролетариата и научным исследованием общественного развития. Но для «экономистов» эта теория — звук пустой: от своих «ученых» — от Бернштейнов, Струве, Прокоповичей — они узнали, что теория научного социализма (марксизм) не есть «настоящая» наука (как известно, настоящая наука, это — та, за которую буржуазное общество платит в университетах). А, стало быть, такая ненаучная теория не имеет никакого права «навязывать» массам свои выдумки. Только одни «сектанты» — марксисты, для которых «теория» дороже жизненных интересов живых людей, только они могут во имя своей теории не смущаться тем, чего хотят рабочие массы, но учить эти массы тому, какие задачи они должны себе поставить, чтобы удовлетворить свои действительно классовые интересы\*.

Для «экономистов» непонятно, что, если рабочий класс «требует хлеба», то этого ему не могут дать социал-демократы. Социал-демократы только могут и должны указать, что этого «хлеба» он добьется в классовой борьбе за уничтожение капиталистического строя, первым шагом к которому будет завоевание политической сво-

\* «Поэтому-то нам и приходится делать столь решительное и коренное различие между интересами, которые „мы“ (интеллигенты) приписываем рабочим, и интересами, действительно имеющимися у них» («Vademecum», стр. 44, брошюра известного «экономиста», г. NN<sup>3</sup>).

боды. Но это опять будет «сектантское» решение вопроса, которое не может удовлетворить «экономистов». Последние от своих Бернштейнов, Струве и Прокоповичей знают, что хлеба и даже с хорошим слоем масла рабочие могут добиться и при капиталистическом строе, лишь бы быть поумереннее и не рваться к отдаленному социализму, это же самое подтверждает и «настоящая» наука, та самая, которая снабжена клеймом: «дозволено цензурой». И «экономисты», в полном согласии с этой клейменной наукой и к великой радости буржуазии, верят, что, если рабочий не добился при современном строе улучшения, то эта вина не капиталистического строя, а тех социал-демократических агитаторов, которые из-за журавля в небе — социализма и политической борьбы — забывают о синице — о непосредственной «пользе». А потому «экономические культурные организации рабочих должны стать целыми сами по себе, а не служить орудием какой бы то ни было политической партии». А кто с этим не согласен, тот «сектант».

Все нападки «Независимой Рабочей Партии» на «Бунд» воспроизводят обычные нападки «экономистов» против революционной социал-демократии. Напр., обвинение в том, что «инертно-консервативную часть рабочей массы «Бунд» отпугивает своей репутацией политической партии». Нам тоже всегда говорили, что мы своей политической и социалистической агитацией можем только «отпугнуть» ту часть рабочих, которая еще предана царизму\*.

А что означает обвинение в недопущении «в рабочую массу интеллигентных полезных сил, не согласных с политическими взглядами Бунда»? Да ведь это тот же упрек в «сектантстве», который расточается по адресу революционных социал-демократов всякий раз, как они проявляют стремление организовать партию исключительно из сознательно революционных элементов и отказываются от «полезных» сил буржуазного образа мыслей, говоря, что «нам таких и даром не надо».

Практическая программа новой партии опять вполне согласна с положениями «экономистов». Социал-демократия организует рабочих для классовой борьбы. «Экономисты» наши давно уже провозгласили равноправие организаций боевых и мирных (обществ взаимопомощи, потребительных и т. п.; см., напр., ном. 10 «Раб. Мысли» и приложение к ном. 7 той же газеты), и те и другие одинаково важны с точки зрения непосредственной пользы\*\*. «Независимая Партия» имеет целью «поднять материальный и культурный уровень... посредством культурно-экономических организаций как нелегальных, так и легальных». Ни слова о классовой борьбе. Социал-демократия признает известное значение для рабочего движения за трэд-юнионами, за кооперациями и другими

\* «Так наз. „Непонятливость масс“, которая постоянно служит козлом отпущения при всяких нарушениях принципа, есть в сущности не что иное, как ограниченность тех, кто ссылается на эту непонятливость», замечает совершенно справедливо Роза Люксембург по поводу разговоров об «отпугивании» масс революционной тактикой («Neue Zeit», 1900—901, ном. 50).

\*\* См., напр., в брошюре упомянутого г. NN, написанной в ответ П. Аксельроду («Vademecum», стр. 46): «Всякая организация важна, но особенно важны мирные организации, захватывающие все стороны жизни рабочего... Стало-быть, чем более «мирная», тем лучше, тем «важнее». Оплаченная «наука» уже давно уверяет в этом пролетариат, но безуспешно. (Там же, стр. 29): «В частности, кооперативы, не непременно классовые, играют очень крупную роль» (мнение NN).

«экономическими» организациями только при условии широкой политической свободы (см., напр., письмо иваново-вознесенского рабочего в приложении к этому номеру). «Экономисты», вместе с ними и «Независимая Рабочая Партия», мечтают о трэд-юнионах и других организациях при самодержавии. Социал-демократия воспитывает рабочий класс для социализма, «Независимая Партия» воспитывает его для коллективной жизни, хотя бы последняя проявлялась в форме какой-нибудь торгашеской «артели». Социал-демократия объединяет в своей партии только рабочих-социалистов; «Независимая Рабочая Партия» объединяет... рабочих всяких политических взглядов и совсем без таковых. Понятно, что при таких «широких» принципах партия устанавливает вполне «демократическую» организацию «снизу вверх». Мы, социал-демократы, не можем себе позволить такой роскоши. Как партия революционная, мы вынуждены подбирать людей с осторожностью, и степень доверия, которой пользуется в наших организациях тот или иной член, зависит от его сознательности, от его опыта, от его преданности делу. Организуемся же мы «сверху вниз», т. е. путем подбора к сплоченному ядру новых надежных элементов, которые еще должны завершить свое политическое воспитание в организации. За это нас уже давно обвиняют в «диктаторстве», в «генеральстве», в «навязывании» массам своих взглядов, своих приемов борьбы. Теперь «Независимая Партия» решительно обещает показать нам пример организации, основанной на широко-демократическом принципе.

А теперь расскажем о происхождении этой новой партии. Вот что пишет наш корреспондент:

«Прилагаемое воззвание распространено на-днях в Минске на русском и еврейском языках (гектографир). Издано оно со дня на день приобретающими все большее влияние сторонниками зубатовской политики (во главе стоят один ретушер и работница, вернувшиеся из московской тюрьмы сторонниками зубатовских взглядов — оба безукоризненно честные люди). Они уже овладели тремя цехами и их кассовыми организациями — переплетным, столярным и слесарным. Устраиваются еженедельно громадные собрания (о которых, конечно известно, Васильеву и где присутствуют шпионы-рабочие, ибо новая „партия“ принимает всех без исключения). Бундовцы в весьма неудобном положении. С одной стороны, нельзя не противодействовать их агитации, с другой, всех, отстаивающих на этих собраниях революционные взгляды, забирают через пару — другую дней и немедленно ссылают в Сибирь. За последнее время почти еженедельно идут из Минска этапы ссылаемых на 3, 4 и 5 лет.

«Отношение жандармерии к новому течению характеризуется след. фактами: 1) Васильев (жандармский полковник) говорил на допросе одному субъекту, что намеревался арестовать упомянутую работницу, но получил от Зубатова предписание не трогать, ибо „хотя она и не состоит у нас на жаловании, но своею деятельностью косвенно содействует нам“. 2) Васильев призывал к себе упомянутого ретушера и сообщил ему, что он благосклонно относится к его деятельности и что он может не опасаться ареста, хотя ему, Васильеву, известно, что он устраивает собрания, кассы, читает литературу и проч. „Я ведь знаю, что вы не станете распространять литературу...“ — „Это еще вопрос“, ответил тот. — „Ну даже

если и распространяете, то тот вред, который вы этим приносите, уравнивается пользой нового движения. Итак, можете спокойно продолжать вашу деятельность“.

«Характерен прием для запугивания массы. По открытии собрания начинают с чтения полученных или будто полученных из Сибири писем с описанием лишений, раскаяний, и пр., и выводится конечно мораль, что лучше всего бросить всякую политику.

«Одним словом, деморализация в Минске полнейшая. На-днях послан на утверждение в Спб. устав общества, устраиваемого „Независимой Партией“. В последнее время, как сообщают, полк. Васильев организовал собрания столаров для обсуждения вопроса о рабочем клубе».

Итак, первая, следовательно, «экономическая» партия основана последователями зубатовской политики «союза рабочих с самодержавием». Мы этого давно ожидали и предсказывали такой поворот. Мы указывали на то, что пропаганда наших «экономистов» может и должна послужить орудием отвлечения рабочих от борьбы за свободу, орудием, которое постарается забрать в свои руки наше правительство. По поводу первых шагов Зубатова в этом направлении мы (в ном. 1) указали уже на то, что успех зубатовской политики питается пропагандой «экономистов». Это наше указание известная часть публики поняла как стремление смешать в одну кучку шпионов и товарищей, держащихся неугодных нам взглядов. Нечего и говорить, что такое понимание было только проявлением нечистой совести людей, которые не могли желать разобраться в вопросе по существу. Никакого заподозривания сторонников «Раб. Мысли» в прислуживании правительству у нас не было. Мы хорошо знаем, что среди наших «экономистов» много таких сил, которые по своей преданности делу и по своей самоотверженности могут быть ценным приобретением для всякой партии. Но мы так же хорошо знаем, что по своей малосознательности, обусловленной тем, что они воспитались на модной ныне «критике» социализма, эти друзья рабочих способны принести пролетариату большой вред. Теперь мы видим, что Зубатову удалось вызвать к жизни одну «экономическую» партию для борьбы с революционной социал-демократией. И если ему это удалось сделать, то причины этого успеха коренятся до известной степени в нашей собственной халатности. Пока гром не грянул, мы не перекрестились. Большинство наших организаций спокойно терпело в своих рядах пропаганду «экономистов», тогда как давно уже можно было заметить, что эта пропаганда готовит успех политике «союза царя с рабочими». Многие и многие товарищи оставляли и оставляют без отпора систематический поход наших буржуазных «критиков» против революционного социализма, не смотря на то, что давно уже можно было заметить, что эта «критика» ведет к ослаблению революционной энергии и социалистического самосознания в рядах нашей партии. По поводу первых шагов Зубатова наша газета снова призвала к борьбе с «экономистами», но этот призыв был встречен как новое доказательство нашего «сектанства» и наших «неговарищеских приемов».

В настоящее время имеется достаточно данных, чтобы утверждать, что политика заигрываний с экономическим движением рабочих практикуется не в одном Минске. Первый адепт Зубатова (см. ном. 1 «Искры») — рабо-

чий Ш. — всю зиму «работал» в Екатеринославе, вербуя среди тамошних ремесленных рабочих партию легального движения. В письме рабочего из Ив.-Вознесенска отмечаются попытки жандармов склонить рабочих к «чисто экономической организации», и вполне основательно наш товарищ указывает, что эти факты вынуждают нас к удвоенной осторожности. Что такая осторожность необходима, в частности и по отношению к Московскому Обществу Взаимопомощи — этой первой легальной рабочей организации сколько-нибудь широкого характера — показывает полученное нами сообщение корреспондента.

«В Москве происходит нечто подобное минским событиям. Общество механических рабочих, руководимое Дэнном, Озеровым и Онуфриевым, оказывается, тоже организовано рабочим-провокатором и первое время служило ловушкой для интеллигентных и передовых рабочих. Провокатор ловко вызывал на спор намеченных лиц, заставляя их высказаться, а через несколько дней их забирали».

Здесь указана только одна — самая гнусная — опасность таких покровительствуемых правительством организаций: их приспособление к целям сыска. Но с этой опасностью можно бороться, удвоив конспиративную осторожность. Гораздо важнее тот факт, что, пользуясь покровительством властей и руководимые искренними, но мало сознательными людьми, такие организации становятся орудием успешной борьбы с социализмом уже на почве организационной. Наш успех в деле привлечения рабочих к социализму до сих пор в известной мере объяснялся тем, что всякие буржуазные попытки отвлечь рабочих от классовой борьбы находились под таким же гнетом, как наше собственное дело. А в области нелегальной работы мы, конечно, всегда окажемся впереди всяких буржуазных друзей рабочего класса. Но когда эти господа начинают работать под покровительством полиции, шансы борьбы значительно изменяются.

Петербургские товарищи всю прошлую зиму убили на создание очень широкой и демократической (по уставу) рабочей организации, которая должна была руководить одновременно и стачечной борьбой, и делом взаимопомощи, и политическим движением. Занятые развитием этой организации, петербургские товарищи так углубились в свое дело, завещанное им экономистами «Раб. Мысли», что не смогли ни подготовить петербургских рабочих к поддержке студенческого движения, ни использовать в целях агитации возбужденное настроение, вызванное в рабочих массах безработицей. Во главе рабочей организации стоял некий рабочий, чрезвычайно горячо защищавший «экономическую» программу, боровшийся против всяких попыток вовлечения рабочих в студенческое движение и — говорим это с гордостью — весьма враждебно относившийся к нашей газете. Рабочий этот (к сожалению, нам не сообщена его фамилия; за достоверность факта ручаемся) оказался провокатором, выдавшим довольно много людей (говорят, в том числе и проф. Милокова). Случайность ли, что втеревшийся в рабочее движение агент правительства отставивал в нем именно программу «экономизма»? Мы думаем, что нет.

Припомним еще все учащающиеся факты благожелательного вмешательства жандармских офицеров в стачки, где они стараются разыгрывать роль друзей рабочих и иногда настаивают на уступках со стороны хозяев (напр. в Минске, Саратове), припомним известный факт

покровительства властей артельным организациям Левитского на всем юге, — и мы убедимся, что теперь дело идет о начинающемся систематическом применении правительством политики отвлечения рабочих от социалистической классовой борьбы на путь «легализации» экономического движения.

В конечном счете этот факт может служить показателем того, какие успехи сделало у нас рабочее движение, как оно расшатало «устои» царизма, заставляя его пойти на путь очень для него рискованных заигрываний с чудовищем — пролетариатом. Это обстоятельство, однако, не уменьшает серьезности нашего положения.

Для успешной борьбы со всеми провокаторскими затеями Зубатовых мы должны крепко организовать, но теперь дело идет уже не о борьбе с голым насилием, а о борьбе с систематическим политическим развращением рабочего класса, совершаемом при помощи сумбурных и буржуазных понятий, над распространением которых много трудились наши собственные «экономисты» и их духовные отцы — легальные «критики». На примере Минской «партии» мы видим, что опасность «экономизма» вовсе не исчезла, как в том хотят уверить многие близорукие люди. Напротив, перестав шуметь о себе на столбцах печати, он проник вглубь движения и именно теперь-то он принимает форму, явно враждебную нашему делу.

А потому, поддерживая призыв всех сознательных социал-демократических сил к партийному объединению, мы обязаны признать, что в основу такого объединения должно быть поставлено открытое, без всяких оговорок, признание старого знамени революционной социал-демократии, признание, которое требует беспощадной принципиальной борьбы со всякими видами «экономизма», грозящего стать орудием в руках реакционных сил, со всякими видами буржуазной «критики» социализма.

Только такая принципиально твердая партия, ведущая неустанно пропаганду революционного социализма, шутя справится с новой политикой одурачивания рабочих.

Все это, конечно, кое-кому покажется новым доказательством нашей «сектантской узости». Нас это обстоятельство не смущает. Столь ненавистное нашим врагам и нашим недалновидным товарищам «сектантство» революционной социал-демократии есть на самом деле «сектантство» людей, глубоко убежденных в том, что их «теория» выражает истинные интересы пролетариата и готовых отстаивать эти интересы в борьбе со всем миром, со всеми и всякими «независимыми» партиями в том числе, со всеми врагами пролетариата, как и с его недалновидными друзьями.

[Л. Мартов]

ИЗ

## НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

К вопросу о «бессмысленных мечтаниях». Нам пишут с юга: «Как легко провести русского человека, как немудрено водить его за нос! Ему трудно живется, ему нечем дышать, он мечется и рвется, но не хватает духу разбить окно, за которым его ждет целый мир воздуха и света, потому что он может поранить руку. И вот он ждет, как институтка, молодца, который явится и вырвет его из тюрьмы.

«Этим молодцом оказался кто же? Восемидесятилетний и притом лживый старик Ванновский, — одна только декорация, вывеска, на которой написано: коренная реформа, а за этой вывеской сотни самых алчных, самых наглых appetитов, готовых каждую минуту сбросить эту вывеску и заменить ее другой с надписью: временные правила и т. п., смотря по обстоятельствам, по духу времени. Но либералы забыли все эти простые вещи, возликовали и пришли в умиление; завидевши кончик пирога, показанный им Ванновским, они забежали вперед его, стали засматривать ему в глаза, холопски повилывая хвостами от радости, и посыпались, как из рога изобилия, проекты и планы, один другого грандиознее и шире. Наступило состояние полной невменяемости российского обывателя: курился фиимам царю за его щедроты, откуда-то выуживались добродетели Ванновского. А Ванновский и его присные только посмеивались: пускай потешатся дети, а усмирить их во всякое время можно. И это время наступило: обывателю скоро указали пределы его фантастических мечтаний. Прошло еще несколько месяцев, призрачные надежды начинают рассеиваться, и остается один скверный осадок от наступающего сознания подлого обмана. Нужно ли еще другого доказательства после новых ограничений в приеме евреев в школы средние и высшие? Может ли существовать более яркий пример цинизма, чем такое противоречие между громкими фразами и наглыми фактами? Евреи, впрочем, уже испытали на себе „сердечность“ Ванновского, когда он был военным министром. Он прекратил совершенно прием евреев в военно-медицинскую академию, а солдат-евреев в учебные команды (где готовятся к унтер-офицерскому званию). Что было первым делом Ванновского, когда он приказом царя был призван на пост „коренного реформатора“? Он циркулярно внушает начальникам учебных заведений строго держаться процентной нормы и устанавливает вторичную норму для окончивших курс прогимназии (впрочем, последнее случается и не с евреями: в Рязани из 31 человека, окончивших курс прогимназии, принято в этом году в 5 класс гимназии лишь 15, при чем преимущество отдается тем, которые поступают в пансион. „Где же связь между семьей и школой?“ — недоумевает местный публицист, начиная понимать, что дело неладно). Но это только цветочки. В последний месяц стали носиться зловещие слухи, что готовятся новые ограничения. Неужели? Возможно ли? недоумевали все; не хотелось верить, сопоставлялось это с коренной реформой; — действительно несопоставимо. Но прошло некоторое время, и слух сделался фактом, фактом гнусным, нелепым. Установлены новые нормы для приема евреев в университет; вместо 10 — 7%, вместо 5 — 3%, вместо 3 — 2%. В некоторые гимназии совершенно прекращен „на время прием евреев, так как их оказалось немного больше нормы“, и приказано ждать впредь до окончательной нормировки. И это все делается волей одного человека, путем даже не циркуляров, а воровских предписаний, чтобы меньше шума было. Можно ли здесь поставить точку? Но ведь еще осенью соберется комиссия для обсуждения еврейского вопроса в школе. До чего она дойдет? Что в подлой угодливости перед Ванновским не будет недостатка, за это поручиться можно. Что делать евреям? Куда деться от того, что есть и что еще будет? Представляет ли себе конкретно читатель все прелести процентной нормы? Случалось мне готовить в гимназию мальчиков-евреев. Мне кажется, что муки инквизиции не могут сравниться с теми, которые приурочены самодержавием родителям-евреям, решающимся определить сына в гимназию, и самому мальчику. Я помню одного, который 3 года подряд держал экзамен в первый класс, последние два раза получил по две пятерки — и не был принят. Это был щупленький, бледный мальчуган, без кровинки в лице, извадавший уже на своих плечах, несмотря на свои 12 лет, все прелести русского произвола. Он многое мог бы поведать либералам, что могло бы им быть полезно. Каждый день, утром, вечером, за сбедам, отец твердил сыну, что он еврей и что забыть ему это преступно и что есть еще другой еврей-конкурент, богатый и влиятельный, с которым тягаться трудно. Достаточно было взглянуть на мальчика, чтобы сказать, что он помнит завет отца. Он бредил уроками, вскакивал среди ночи и хватался за книжку, его глаза блуждали... это

был один издерганный нерв. Самый экзамен тоже обставлен как следует. Евреев экзаменуют отдельно, им задают более трудную диктовку, с них больше спрашивают и на устном испытании. Выходит педагог и читает, что такой-то русский с тройкой и четверкой принят, а еврей такой-то с двумя пятерками должен ждать особого содействия. Придет несчастный мальчик домой и там вскоре узнает, что принят его конкурент-богач потому, что отец его подкупил директора, и т. п.—мерзости без конца, волос становится дыбом. Ну, можно ли говорить о коренной реформе, не разрешив коренным образом еврейского вопроса? Возможна ли сердечная связь, доверие, когда дети знают, что директор—взяточник, а такой-то учитель берет за пятирублевый урок ублажить директора? Возможны ли здсровые нравственные устои, когда гимназия превращается в самый опасный притон умственного и нравственного разложения, где развивается и классовый, и национальный антагонизм, где втаптываются в грязь самые драгоценные свойства детской души?

«Мне пришлось ехать в одном вагоне с евреем-купцом, педагогом и мальчиком-евреем гимназистом, только что принятым в гимназию и жившим у педагога, который и готовил мальчика. Педагог проливал слезы над бедными евреями: „В нынешнем году одна вакансия для евреев, а 18 прошений“ (трогательное чувство, вероятно, явилось от того, что он брал систематически в долг деньги у купца-еврея). Я высказал предположение, что, вероятно, поступит тот, кто даст большую взятку директору. Педагог ответил, что так везде и повсюду: „не помажешь, не поедешь“ и что это дело житейское. Я позволил себе возразить, что уже во всяком случае не в школе место таким правилам; педагог замолк и уж больше со мной не говорил. Стыдно ему стало? Не думаю, вернее, он решил, что я „опасный“ или уж наивный человек.»

В. С. Арефьев. 2 августа в селе Турках, Балаш. у., в Саратовской губ. в земской больнице умер от мучительной болезни (гнойного воспаления среднего уха), продолжавшейся два месяца, Виктор Севастьянович Арефьев<sup>4</sup>. Покойному было всего 27 лет от роду, а с 18 лет он уже считался поднадзорным. Он начал работать очень рано, лет с 16—17, и с тех пор непрерывно работал в пользу дорогой ему идеи, до последнего дня своей жизни. Был за это три раза в ссылке: в Нижнем, в Вятке и последний раз в Сибири, откуда вернулся в сентябре прошлого года. В первый раз он был взят за подстрекательство крестьян к бунту во время голодного года; во второй раз за то, что раскрыл и огласил деяния жандармского правления и губернатора в местной газете, и в третий — за принадлежность к вятской революционной организации и за печатание воззваний на земском гектографе.

В Сибири, в ссылке он тоже непрерывно боролся со всякой неправдой и безбоязненно предавал гласности все скрытые проделки темной силы — администрации и местных капиталистов. За эти разоблачения полицейские чины привлекли Арефьева к суду, который его оправдывал в виду обнаружившейся правдивости его сообщений, а высшее начальство гоняло его из одной волости в другую, загнав под конец ссылки в самую дикую местность.

По возвращении из ссылки он тотчас же принялся за работу. Покойный был убежденный социалист-революционер, но человек, чуждый всякой партийности, видевший во всяком революционере, к какому бы флагу и знамени он ни принадлежал, брата и борца за дороге ему свободу и благо народа. Русская революционная партия понесла в нем несомненную утрату.

Вечная память тебе, дорогой, бескорыстный, преданный друг и товарищ!

Вятские «штрейкбрехеры». Одиннадцать вятских статистиков послали харьковским статистикам, взявшим на себя почин организации бойкота против екатеринославского земского султана Родзянко<sup>5</sup>, очень странное заявление. Начав с того, что уже после вступительной речи Родзянко к земским служащим «никто из нижеподпи-

савшихся не пошел бы на службу к г. Родзянко», гг. «нижеподписавшиеся», тем не менее, находят, что екатеринославский инцидент они не могут считать «общестатистическим делом, для которого надо было бы призывать к заговору против г. Родзянко всю земскую статистику». В чем же все-таки дело? Оказывается, что екатеринославские статистики должны были уйти тотчас же после того, как г. Родзянко потребовал от них ведения дневников, что они нашли для себя оскорбительным. А так как екатеринославские статистики не сделали этого тотчас же, а подождали, пока г. Родзянко не уволил их товарищей за неисполнение своего требования, то гг. вятские статистики находят, что «екатеринославская история получила не столько общий и принципиальный, сколько личный характер, не имеющий прямого отношения к профессиональным интересам всех земских статистиков».

Екатеринославские статистики протестуют против несправедливого, по их мнению, увольнения их товарищей председателем управы и призывают своих товарищей в других земствах поддержать их стачку. Гг. вятские статистики не решаются отрицать справедливости требования екатеринославских статистиков, но пускаются в длинные рассуждения о том, что стачку надо было начинать раньше, и кончают тем выводом, что екатеринославская стачка не имеет «прямого отношения к профессиональным интересам всех земских статистиков». Лучше нельзя было обнаружить полнейшее отсутствие у вятских статистиков какой бы то ни было профессиональной солидарности. Фабричные рабочие не вдаются в рассмотрение вопроса о том, рано или поздно устроили их товарищи стачку, но считают долгом классовой чести не мешать успеху этой стачки, становясь на места стачечников. Вятские статистики в своем понимании профессиональных и общенациональных интересов своего «сословия», как видно, очень отстают от наших фабричных рабочих.

Гг. вятские статистики находят, что бойкотирование г. Родзянко «мера слишком серьезная, чтобы ее можно было принять без надлежащего разбора и соответствия с причиной»... «Отказываясь от работы в некоторых земствах и заявляя о том публично, мы только облегчаем этим („совершенно чуждым статистике“) элементам завоевание земской статистики, так как, с одной стороны, очищаем для них бюро, с другой—даем оружие против себя администрации и тем земским управам, которые тяготятся статистиками и не решаются еще пожертвовать опытом и знаниями профессиональных статистиков и интересами дела».

Очень первобытно рассуждают гг. вятские статистики. Администрация и проникнутые самоновейшим «благонамеренным» направлением земские управы подняли систематическую травлю земской статистики, норовя согнуть ее в бараний рог и очистить от всякой неблагонамеренной скверны. В этих видах статистические бюро заполняются проворовавшимися станowymi, потерпевшими крушение волостными писарями и т. п. «благонадежными» служащими. В этих же видах из одних статистических бюро всячески выкуривают всяких «поднадзорных», из других специально «марксистов» и т. д. Вятские статистики находят, что для того, чтобы не давать повода гг. Родзянко совершать такое «очищение», профессиональные статистики должны сами содействовать введению в бюро такого режима, который соответствует видам начальства и ради которого последнее нищет себе служащих среди бывших станowych. Стало-быть не борьбой гг. вятские статистики думают отстоять свое существование, но принижением своих требований. Боимся, что они прогадают и что в своем стремлении во что бы то ни стало умиротворить свое начальство, «не давая против себя оружия», они только поощряют его увеличивать свою требовательность и еще более неуклонно проводить политику превращения земских учреждений в самые обыкновенные канцелярии.

Полтава. В конце марта местный жандармский полковник Гангарт вернулся с общероссийского съезда жандармов, умудренный последними выводами жандармской науки и снабженный определенными указаниями насчет



того, когда следует «тащить» и когда не «пускать». И хотя сами жандармы вряд ли ожидали со стороны полтавского населения каких-либо проявлений общественной самостоятельности, но перед 18 апреля на всякий случай были приняты некоторые меры. На главные улицы города была выпущена целая свора жандармов, постовым городовым были даны соответствующие инструкции, а местами можно было заметить трогательную троицу из городского, жандарма и «штатского». В то же время на Подоле, местности населенной железнодорожными рабочими, каждую ночь поочередно дежурили четыре жандарма, а днем железнодорожные жандармы, переодетые в штатское платье, сновали по всем направлениям, возбуждая этим только насмешки со стороны знающего их в лицо населения. Понятно, что все эти меры предупреждения никого не могли испугать и ничего не могли предупредить: 18-го утром в железнодорожных мастерских, равно как и в некоторых ремесленных заведениях, расположенных в городе, были разбросаны и расклеены прокламации. Кроме небольшого количества общерусских прокламаций, отпечатанных в типографии «Южного Рабочего», было выпущено еще две местных, исполненных на гектографе.

Наиболее сильное впечатление прокламации произвели на совершенно серую массу пришлых бездомных рабочих. Среди них слышались возгласы вроде того, что «а мы то, дураки, ничего не знали!» или «да бросим же работу: что же это в самом деле, рабы мы, что ли?».

Целых два дня работа не клеилась: рабочие собирались кучками, читали и обсуждали прокламации. Наиболее горячие головы рвались к демонстрации.

Возбуждение, начавшееся среди рабочих, сильно беспокоило железнодорожное начальство. О всем происшедшем немедленно дано было знать в жандармское управление. Гангарт приехал самолично, отнял несколько прокламаций, допросил несколько человек, но ничего не добился. После этого рабочие еще несколько дней носили прокламации с собой в мастерские, а затем растащили их по всему городу: отдельные экземпляры попали даже в казармы. О празднике первого мая узнали широкие слои рабочих. Кто не читал прокламации сам, тот слышал о них от других. И хотя в изустной передаче содержание прокламаций принимало нередко фантастический характер, но уже и эта передача, возбуждая в слушателях любознательность, вскоре приводила их к познанию истины. В этом отношении любопытен эпизод, происшедший на паровой мельнице Молдавского. Рассказывают, что один рабочий с этой мельницы, неграмотный хохол, подойдя после перерыва на завтрак к кучке товарищей, обратился к ним с такими словами: «Оце мини вокзальцы казали, що там якись письма получены. Пишут, шо из губернии приидут пятьсот человек, будут тут бунтоваться у Полтави». Но товарищи, успевшие уже во время перерыва ознакомиться с содержанием прокламаций, разъяснили ему в чем дело...

В городе 18 апреля прошло в общем спокойно. Только одну работницу из швейной мастерской, прочитавшую во всеуслышание подброшенную ей прокламацию, таскали было в полицию, но вскоре выпустили без всяких последствий. Кроме того, в одной типографии наборщики, проникшись, под влиянием прокламации, духом протеста, потребовали сокращения рабочего дня на один час. Хозяин поспешил уступить. Через несколько дней после 18 апреля среди обывательской публики, особенно в мелкобуржуазной среде, распространился слух о том, что на первое мая назначен «бунт» на Резницкой горе. Судя по некоторым данным, подобных же опасений были не чужды и сами представители власти.

Только слово — «бунт» в слухах, имевших своим первоисточником официальные сферы, было заменено словом «демонстрация». Однако, ни ожидания одних, ни опасения других не оправдались на деле. 1 мая прошло еще спокойнее, чем 18 апреля. Лишь в железнодорожных мастерских было разбросано до сотни прокламаций (общерусских, издание «Искры»), да десятка полтора первомайских номеров «Южного Рабочего». Как и первый раз, прокламации вызвали сильное оживление, но не повели ни к каким практическим результатам.

Справедливость требует отметить, что все это время власти вели себя довольно корректно: не было ни аре-

стов, ни даже обысков. Правда, за последнее время у нас было и то, и другое но это не имеет уже прямого отношения к событиям первого мая.

Р. С. Вот уже два месяца в местной тюрьме сидит некто Власов, отбывавший в Полтаве гласный надзор. Вся вина его состоит в хранении нескольких нелегальных брошюр. Убедившись, что сидению не предвидится конца, Власов стал требовать освобождения, угрожая в противном случае голодовкой. На заявления его, разумеется, не было обращено никакого внимания, и с 25-го Власов стал голодать. Трехдневная голодовка подействовала: Власов освобожден.

Кишинев. По поводу полученной из Петербурга прокламации группы студентов — членов землячеств высших учебных заведений, в Кишиневе состоялся ряд студенческих собраний, пришедших к нижеследующей резолюции. Кроме того, на-днях созвано было собрание из представителей местного общества в числе 146 человек. Вопросы, обсужденные на предыдущих собраниях, были рассмотрены и на этом собрании из представителей общества, которые присоединились к студенческому протесту и приняли ту же резолюцию, постановив придать ей самую широкую гласность (путем печати, письменной и устной передачи, созывом подобных собраний и т. д.).

Резолюция такова: «Мы, как студенты-граждане, выражаем свой протест и негодование против возмутительного поведения правительства, выразившегося в ограничении доступа евреев в высшие учебные заведения и в проведении (к тому же административным путем) целого ряда других мероприятий, как, например, подтверждение боголеповского циркуляра о прикреплении к округам, идущих совершенно в разрез с духом реформ, намеченных весной под напором студенческих и общественных волнений.

«Мы полагаем, что студенты и общество должны по-прежнему оставаться активными и выставить следующие требования:

1. Отмены стеснений в выборе университета.
2. Возвращения уволенных и отданных в солдаты товарищей.
3. Свободного доступа в высшие учебные заведения всем, без различия религии, пола и национальности.
4. Свободного обсуждения реформ печатью и обществом».

Новые рогатки. Новый циркуляр г. Сипягина преподает местным властям «указания, коими надлежит руководствоваться при выдаче разрешений на устройство публичных представлений, концертов и других увеселений с благотворительной целью». Каких внутренних врагов имеет в виду этот новый циркуляр? Очень многих: и голодающих крестьян, в пользу которых очень часто устраиваются и должны были устраиваться в настоящем голодном году вечера и концерты; и нуждающуюся учащуюся молодежь, против которой особо направлены отдельные пункты циркуляра, запрещающие устраивать вечера в пользу студентов без разрешения их начальства, а студентам — быть устроителями вечеров; всякого рода неофициальные просветительные общества, которые добывают часть своих доходов вечеринками; и, наконец, революционные партии и организации помощи жертвам русского правительства, которые, несмотря на все меры шпионского надзора, ухитрялись кое-что получать с этих вечеринок и концертов. Новый циркуляр требует, чтобы прежде, чем дать разрешение на устройство представления, концерта, вечеринки или чтений, местные власти «удостоверились в действительных целях, преследуемых оными», т. е. производили сыск о «благонадежности» устроителей.

Далее вводится полицейский контроль за продажей билетов, воспрещается развозить билеты и программы спектакля на дом, равно как раздавать их посторонним лицам для распродажи.

Далее, уплата расходов по спектаклю производится также под наблюдением назначенного губернатором лица, которое представляет властям «оправдательные документы на все расходы по устройству вечера».

Весь чистый доход вручается губернаторскому «наблюдателю», который передает эти деньги губернатору для вручения тому учреждению, в пользу которого разрешен вечер.

Особый пункт воспрещает произнесение на вечерах речей, а равно устройство денежных сборов.

Жизнь, конечно, не преминет обойти все эти новые рогадки, и, в частности, сочувствующая русской революции публика найдет возможность пополнять и при новых порядках кассы наших организаций. Новый циркуляр характерен, как показатель всей безграничной наглости наших правителей. Назойливая полицейская опека залезает во все углы обывательской жизни, ломая все на своем пути. Невинные вечеринки и представления отдаются под надзор разных «наблюдателей», шпионские способности которых должны изощряться именно в деле контроля благотворительных сборов. Вот в разного рода акционерные предприятия попечительное начальство не пытается лезть с усиленным контролем. Там оно чрезвычайно «либерально», туда оно вмешивается только тогда, когда явно запахло уголовщиной, да и вмешивается часто затем только, чтобы затушевать скандальные злоупотребления. А мирное дело обывательской благотворительности оно норовит совершенно парализовать своим «наблюдением».

Советуем русскому обывателю задуматься над очень серьезной задачей: при данной наглости правительства и данном смиреннии обывателей через сколько, примерно, лет мы дождемся распоряжения о том, чтобы всякий обыватель представлял все свои домашние счета на просмотр ближайшего постового городского?

Боимся, что это время не за горами.

В сибирской тюрьме. ...«Писать много в этот раз не буду, так еще не оправился от последствий жестокой пытки, которой был подвергнут смотрителем-палачом Ачинской уездной тюрьмы 25 июня. Пытка мной началась часов в 6 вечера после поверки, когда за мной пришел смотритель со старшим и подстаршим и тремя конвойными солдатами и приказал под ковоем итти в контору, где будто бы меня ожидал жандарм. Не итти под штыками было нельзя. Меня вывели на двор, и смотритель, обратившись к конвойным, сказал, указывая на меня: «это бунтовщик, политический, бунтует против государя императора», и с этими словами ударил меня по голове два раза. Я закричал: „Караул, меня бьют!“ На мой крик

выбежал из камеры арестант, техник Петруш, и спросил: что такое? Бить меня больше тут не стали, а, разув и обыскав, повели в контору. Там смотритель, оставив конвойных и сказав им, что сейчас придет жандарм и будет меня сечь розгами, завел меня в посетительскую и, отослав лишних людей, оставил лишь одного надзирателя, прихвостня Бердина, затворил в посетительскую двери и сказал мне: «Как ты смел дерзнуть разговаривать с его превосходительством?» (накануне я делал заявление тюремному инспектору и прокурору по поводу условий и содержания и задержания меня в тюрьме), и с этими словами начал меня бить по левому виску и, ударив раз 6—7, ткнул пальцем в левый глаз и ударил еще раз по этому глазу, отчего он совсем закрылся, а я лишился чувств. В чувство меня привели холодной водой, которую лили на голову и в рот. Когда я пришел в себя, меня опять смотритель начал бить по голове и по лицу, рвать за волосы, за уши, за щеки, за губы до тех пор, пока я снова не лишился чувств. Так повторилось несколько раз. Я бы, наверно, был забит до смерти, что и твердил мне смотритель и даже выхватывал из ножен шашку, говоря, что срубит голову, но в то время пришел письмоводитель (это я узнал потом) и помешал злодейскому замыслу смотрителя. Меня еле живого привели в камеру, в которой наглухо забили окно, лишили воды, кипятку и прогулки и посадили на „парашу“. Когда меня терзали, душа надзирателя, который стоял в нашем отделении, возмутилась зверством пытки, и он донес о случившемся помощнику исправника, а смотрителю заявил, что он не желает больше служить, ибо не желает итти с ним на каторгу. Смотритель уговаривал его остаться, но тот отказался. На другой день был помощник исправника и видел меня избитого, и все арестанты видели меня избитого... Что будет дальше, не знаю. Теперь часто теряется сознание и кружится голова...».

Автор письма — ткач Никифор Махов. За стачку в Иваново-Вознесенске 1898 г. был выслан под надзор в Харьков. В декабре 1899 г. или январе 1900 г. был арестован по обвинению в организации харьковского социал-демократического ремесленного союза. До объявления приговора (в феврале 1901 г.) просидел в тюрьме, после чего этапным порядком был отправлен на 3 года в Восточную Сибирь. Письмо было им написано частному лицу и попало в редакцию без его, Махова, ведома и согласия.

Редакция.

Приводим присланный нам обвинительный акт по делу о майских беспорядках на Обуховском заводе.

#### ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ.

7 мая 1901 г. среди рабочих Обуховского сталелитейного завода морского ведомства, находящегося в с. Александровском Шлиссельбургского участка, города С.-Петербурга, возникли волнения: они стали собираться группами, а затем одна группа рабочих, в количестве 150 человек, войдя после обеденного перерыва во двор завода вызвала к себе заводское начальство и, предъявив ему требование о принятии на работы обратно 26 человек, рассчитанных незадолго перед тем за прогул, стали домогаться, кроме того, еще увеличения заработной платы, установления восьмичасового рабочего дня и уничтожения ночных работ. Сопровождая означенные требования дерзкими выходками, рабочие вслед за сим дали самовольно тревожный гудок об окончании работ и, вбежав с криком в мастерские, путем угроз заставили прекратить работу тех сотоварищей своих, которые продолжали работать. Шум и бесчинства, произведенные внутри заводского двора, скоро привлекли к воротам завода множество посторонних лиц, из коих некоторые, несомненно, явились с целью участвовать в задуманных беспорядках, так как они всячески пытались проникнуть во двор завода, куда их, по распоряжению начальства, не допускали. — В это самое время в толпе появился кронштадтский мещанин Александр Михайлов Ковальский и, будучи удержан сторожем Алексеем Курниковым, поставленным для охранения калитки у запертых входных

ворот завода, набросился на упомянутого Курникова, сбил его с ног и нанес Курникову девять ран в голову, шею и спину, после чего он задержан был околочным надзирателем Лесневичем. Вскоре после этого толпа рабочих в несколько тысяч человек, окончательно прекратив работу, с криком ура, гиканьем и свистом вышла со двора Обуховского завода на Шлиссельбургский проспект, производя беспорядок и шум. Тем временем исправлявший должность начальника завода подполковник Иванов дал знать о происшедшем, по телефону, в местный полицейский участок, откуда сообщено было о беспорядке полицмейстеру 3-го отделения города С.-Петербурга полковнику Палибину. В виду этого названный полицмейстер тотчас же прибыл на место происшествия в сопровождении эскадрона жандармов, 52 пеших и 19 конных городских и застал на Шлиссельбургском проспекте следующее положение: в отношении прибывших еще ранее чинов местной полиции толпа вела себя крайне вызывающим образом и осыпала их бранью и насмешками, видимо, стараясь вызвать столкновение. Заметив, что прибывший на место околочный надзиратель Костюшко-Валюжинич обращает особое внимание на одного из наиболее шумевших рабочих, несколько человек последних накинулись на Валюжинича с криком: «ребята, наших хотят брать, не давайте», а вслед за сим кто-то из означенных лиц ударом по затылку сбил с ног Валюжинича, а другие рабочие сорвали с него шашку, сломали ножны об его голову и камнем выбили у Валюжинича два зуба. После того полицмейстер Палибин, нарядив конные и пешие патрули, сделал распоряжение о предложении скопившемуся народу разойтись и очистить проспект, но большинство рабочих, переходя с ме-

Из Якутска. (К положению ссыльных в Сибири). Нам сообщено для огласки письмо к товарищу одного из якутских ссыльных, из которого приводим кое-какие выдержки.

... «Поверишь ли ты, что со мной тут проделали! Слушай, и пусть это будет в назидание всем ссыльным. То свидетельство о болезни, согласно которому я выехал из Верхоянска (в Якутск), было выдано мне фельдшерницей (врача здесь нет), женою одного из ссыльных, которая находилась в постоянных острых отношениях с якутскими медицинскими властями из-за неисправности в высылке медицинских средств. Вследствие этого, когда в середине апреля я был здесь (в Якутске) освидетельствован комиссией, то эта последняя, как раз в противоположность указанному свидетельству, дала заключение, что „я совершенно здоров!“. Этот отзыв, конечно, отнял у меня всякий повод для ходатайства о переводе (т. е. оставлении в Якутске) и привел в смущение даже лиц из администрации. Тогда же я подал губернатору заявление, что отзыв комиссии, будто я „совершенно здоров“, не только сам по себе невероятен, но и невероятность его подтверждают также все свидетельствовавшие меня в России (и при деле есть бумага — в департаменте полиции, вероятно) и даже здесь летом прошлого года, почему и просил поместить меня на испытание в гражданскую больницу. Пока это заявление рассматривалось (полторы недели!), наступила распутица, и отправили меня обратно в Верхоянск (что было уже решено) стало до лета невозможно. На прошение я ответа не получил, но полиция поместила меня в городскую больницу, и, как я узнал, это сделано было не для проверки указанного отзыва комиссии, а для того, чтобы удостовериться, нормален ли я психически, что, будто бы, по заявлению верхоянского исправника, подлежит сомнению. В больнице меня поместили в общие палаты (заведует больницей врач, входивший в состав комиссии), а не в психиатрическое отделение. (Значит, люди сами не верили в мою „ненормальность“; но это был лишь предлог не выпускать меня на волю, что подтверждается также и тем, что я был предупрежден о „полном подчинении больничному режиму“). Сначала недели три я лежал в отделении для нервно-больных; затем, оставив свободной эту палату, меня в числе бывших со мною перевели в другую, где в небольшом помещении скопилось более 10 человек. Отчаянная духота и вечный кашель больных не давали мне покою, и я все время страдал бессоницей. Несколько раз

обращался я к врачу с просьбой перевести либо в прежнее отделение, либо в другое, где более спокойно. Врач отказывал и предлагал, если хочу, психиатрическое отделение (!). Но туда я идти не хотел, так как, помимо всего прочего, знал от сидевших там, что отделение это почти не посещается ни врачами ни фельдшерами. Не видя другого исхода, кроме вмешательства извне, я отказался от приема пищи и лекарств и так провел четверо суток. Наконец, 26 мая, перед приездом генерал-губернатора, от меня уже потребовали перейти в психиатрическое отделение, при чем не скрыли, что будут держать меня там на запоре. Увидя в этом уже подвох, т. е. желание скрыть меня на время пребывания здесь генерал-губернатора и не дать возможности жаловаться, я категорически отказался перейти. Врач, как я потом узнал из частных слухов, не считал меня ненормальным, не находил возможным употребить надо мной насилия. Однако, несмотря на это, без предупреждения меня, в палату нагнали целую свору городских и квартальных, бывший во главе их, потребовал „добровольно“ перейти в психиатрическое отделение. Я заявил ему, что, пока я не выпущен из больницы, с полицией дела по этому поводу не имею и требовал для объяснения врача. Но тот предпочел не явиться. Видя такую наглость, я решил запечатлеть ее сопротивлением, чтобы придать дело огласке и объявил, что добровольно не пойду. Тогда на меня, обесиленного четырехсуточным голодом, в присутствии больных, в палате накинута вся свора городских... скоро, конечно, я был связан и доставлен, куда требовалось. В психиатрическом отделении меня не только заперли, но забили даже окно и лишили табаку, книг и свиданий. Отказано было и в выдаче письменных принадлежностей для написания деловых бумаг на имя прибывшего генерал-губернатора: — прямо азиатский клоповник! Так просидел я неделю, а генерал-губернатор при посещении больницы в психиатрическое отделение не зашел. Потом мне открыли окно и разрешили табак и книги, но свиданий не давали, письменных принадлежностей тоже и из-под запора не выпускали даже для прогулки. В заключение врач больницы отказался лечить меня, говоря, что признает меня здоровым. Потом стал давать только ванны (через день) и валерьянку (!). Но развинченный окончательно организм мой, наконец, не выдержал, и со мной случился припадок сердцебиения, — не знаю прямо, как жив остался; это было 20 июня ночью; врач и фельдшер кое-как отхо-

ста на место, явно не желало подчиниться этому требованию, заявляя, что они, рабочие, у себя дома и уходить не намерены. По адресу же патрульных раздавались площадные ругательства и крики, что ни полиция ни солдаты ничего не значат. Отдельные рабочие и мелкие партии их в несколько человек, обходя толпу и обгоняя патрульников, громко уговаривали народ не расходиться и не поддаваться увещаниям полиции и возбуждали толпу словами: «Что же, братцы неужели мы не стоим за своих, возьмем же за дело, не робейте, наша возьмет». При этом некоторые из шумевших высказывали, что толпа за них заступится в случае попытки полиции кого-нибудь задержать, а другие брали в руки камни, размахивали палками и старались задеть патрульных крича: «Вот, как соберутся наши рабочие, так мы вам покажем наши порядки». Торговые заведения вдоль Шлиссельбургского проспекта были закрыты из опасения разгрома, но некоторые рабочие пытались воспрепятствовать этому распоряжению, требуя с криком и угрозами открытия пивной, чайной и казенной винной лавок. В это самое время содержателю чайного заведения Малафееву Соловьеву бутылкою нанесен был удар по лицу, а одного из рабочих, не желавшего примкнуть к прочим, толпа преследовала с криком: «если ты мастеровой, то и должен быть настоящим мастеровым» и, ломаясь в его дом, куда он успел скрыться, требовала от домохозяина его выдачи. Около 6 часов вечера окончились работы на соседней с Обуховским заводом карточной фабрике, а также на Александровском казенном заводе, после чего толпа на проспекте увеличилась еще несколькими тысячами вышедших оттуда рабочих. Постепенно большинство производивших беспорядки скопилось у находящегося на

проспекте шлагбаума, ограждающего переезд под'ездной железной дороги через Шлиссельбургский проспект. Такого рода скоплением народа окончательно было прекращено всякое уличное движение и остановлен проезд конных патрулей, которым толпа опускала на головы брусья шлагбаума; подошедший же вагон конно-железной дороги с прибывшими на нем чинами полиции был осыпан градом заранее заготовленных камней. Для освобождения проезда был командирован штабс-капитан полицейского резерва Стахович, но толпа встретила его криком: «нам нужна свобода» и требованием открыть винную лавку, а сопровождавший Стаховича городской Янутов брошенной бутылкою сбит был с ног, после чего ему нанесен ряд ударов, самому же Стаховичу с большими усилиями удалось вырваться из рук рабочих, пытавшихся втащить его в середину толпы, вооружившейся булыжниками и градом камней, оттеснившей наряд полиции. Извещенный о происшедшем у шлагбаума полицмейстер Палибин приказал тогда конным жандармам силой разогнать толпу, очистить проезд и восстановить движение по проспекту. Под натиском жандармов, обнаживших шашки, толпа действительно освободила временно проезд и даже рассеялась по соседним дворам, но затем из-за заборов и из окон домов с обеих сторон проспекта чины полиции и жандармы были буквально осыпаны градом заранее приготовленных камней; большинство же бесчинствовавших засело во дворе карточной фабрики, заперев и забаррикадировав изнутри все ворота и выходы, и стала бросать камни и кирпичи оттуда. При таких условиях жандармы и конная стража принуждены были отступить, т. к. сыпавшиеся со всех сторон булыжники пугали лошадей. Захватив имевшихся налицо

дили меня. 23-го меня повезли в Областное Правление и тут, в присутствии врачей и чиновника (даже прокурора!), проверили отзыв больничного врача о моей психической нормальности и отсюда уже отвезли прямо в тюрьму. Значит, признали меня во всех отношениях здоровым и решили отправить обратно уже через тюрьму! Возможности подобного случая я поверил бы, если бы он имел место в Персии или Турции только! Вот, брат, какие тут гнусные, вопиющие вещи возможны! Сажу в тюрьму, но мне ничего не объявлено, сказано только в препроводительной бумаге, чтобы „содержать впредь до отправления в Верхо-ханск“. Повезут ли меня теперь, летом, что очень возможно, раз возможны и не такие еще вещи, или буду сидеть здесь до самого пути (с ноября), — мне неизвестно. Путь по болотам и тайге верхом отчаянный: даже здоровых, обыкновенно в это время (летом) не отправляют, и меня в прошлое лето не отправили, найдя по освидетельствованию неспособным к этому пути

«На-днях объявили, что меня отправят в Булум: уже сами не знают, куда меня деть».

С а м а р а. Поиски террористического общества. Еще в марте месяце, тотчас же после выстрела Лаговского, служившего статистиком в земской управе, жандармерия пришла в необычайное движение. И не мудрено: всю зиму прокуратура получала доносы на местную интеллигентную публику, а тут вдруг Лаговский. Из Питера полетели одна за другой шифрованные телеграммы с требованием во что бы то ни стало открыть сообщников Лаговского, и вот местный жандармский ротмистр Битепаж всей своей грузной и глупой фигурой двинулся в поход на обывателей, твердо надеясь докопаться до самых корней «революции» и получить обещанную награду—полковничий чин. Но увы! Охота до чинов у Битепажа велика, а глупость его и того больше! Произведя нападение, конечно, прежде всего на служащих в земстве и особенно на статистиков, Битепаж ворочался отовсюду с пустыми руками. Однако, энергия не покидала его, и обыски производились по несколько раз в одной и той же квартире; инвентарь почти всех статистиков тщательно пересматривался и переписывался, но «крамолы» ни в чем ни оказывалось. Тем не менее несколько человек из земских служащих было все-таки арес-

товано (Михеев, Владимиров, Кудряков, Вершинин П. Кондратьев, Колманов). Для ареста достаточно было, напр., такого повода: у статистика Кондратьева найдены были те места из «Воскресения» Толстого, которые были запрещены русской цензурой; Битепажу показалось это такой революцией, что он немедленно арестовал Кондратьева. Но когда другие указали ему, что из такой оверчинки шубы не сошьешь, а чин получить и мечтать нечего, то Битепаж пришел было совсем в отчаяние. Но тут его выручил какой-то шутник из шпионов, который подбросил ему в квартиру анонимную записку с сообщением, что в Самаре учреждено «анархически-революционное общество», во главе которого стоит Севрюк. Жандармское правление возликовало, и Битепаж, вместе с подлейшем из местных товарищей прокурора Микулиным, сделал новое нападение, надеясь на этот раз схватить «революцию» за «голову». Однако, и у «главы» самарской террористической организации компрометирующего найдена была только известная фотография, изображающая борьбу Финляндии с хищным орлом, вырывающим у нее «закон». Севрюка, разумеется, забрали. В то же время было взято еще несколько человек (Юдин, Акрамовский, бывший казанский семинарист). В Бугульминский уезд была снаряжена целая экспедиция для ловли все тех же злополучных статистиков, бывших на исследовании. Нечего и говорить, что в уезде было терроризовано не только темное крестьянское население (статистиков хватили на глазах целого схода в момент опроса крестьян), но даже помещики. Впрочем, большинство следственных скорее радовалось произведенному жандармами набегу, так как рассчитывало, благодаря ему, освободиться от переоценки земель. Из арестованных в первую очередь вскоре был выпущен П. Кондратьев. Материал для обвинения оставшихся под арестом был крайне скуден и не давал слугам престола никакой надежды на повышение по службе. Сначала к арестованным торжественно предъявлялось обвинение в участии в террористической организации, когда же дело доходило до подтверждения такого обвинения, то в руках Битепажа не оказывалось никаких доказательств. Арестованные (почти все рецидивисты) очень часто отвечали на обвинения насмешками или же яростно нападали на зарвавшихся мерзавцев-следователей. Особенно обидными для жандармского мундира казались «дерзости» одного из сидящих (Акрамовского), когда он письменно обращался в жандармское управление с просьбой сообщить, как чувствует себя его собака, оставшаяся на воле,—

пеших городских, полицмейстер Палибин трижды тщетно пытался подойти к воротам карточной фабрики, с целью их выломать; большинство сопровождавших его городских получило ушибы, а сам он был сбит с ног ударами камней в голову, спину и ступню. Ободренная таким успехом, толпа вышла вновь на проспект и с криком: «Что теперь сделаете с нами! Если возьмете хоть одного, то мы с вами разделаемся», она стала надвигаться на отступающих к Обуховскому заводу чинов полиции, бросая в них камнями и смеясь над выстрелами в воздух, которые городские принуждены были производить, а оттеснив полицию и жандармов в переулок, ведущий к заводу, толпа и этот переулок осыпала камнями. Тогда исправляющий должность начальника Обуховского завода подполковник Иванов, опасаясь нападения на самый завод, предложил полицмейстеру Палибину воспользоваться имевшеюся налицо и вооруженною оружием морской воинской командой. Вытребовав по телефону еще эскадрон жандармов, две роты пехоты и отряд городских, полицмейстер Палибин до их прибытия согласился на предложение подполковника Иванова и распорядился выставить прибывшую на место морскую команду из 20 матросов у входа в переулок и, открыв огонь вдоль проспекта, рассеять наседавшую толпу. Выстроившуюся под начальством боцмана Заставного команду толпа осыпала камнями; сам Заставный получил при этом удар булыжником в левую ногу, а у одного из нижних чинов перешиблено было ложе ружья, после чего в толпу дано несколько залпов боевыми зарядами: толпа рассеялась, и проспект был очищен. Вскоре подошли еще две роты Омского пехотного полка, эскадрон жандармов и 80 чел. городских, а затем, по распоряжению полицмей-

стера, приступлено было к заарестованию лиц, скрывшихся в соседние дома, из которых были брошены камни. Несколько из означенных домов оказались запертыми так, что пришлось выламывать двери, при чем из-за заборов в солдат и полицию снова брошены были камни, и в это время, между прочим, ранен был конный городской Николенко при следующих обстоятельствах: обратив внимание на то, что со двора дома 3/5 по Станционной улице бросают камни, означенный Николенко с другим городским подошел к воротам и заметил, что калитку изнутри держат несколько человек, в виду чего ему пришлось открыть ее силою; когда Николенко входил во двор, то бывшие там разбежались, за исключением одного, впоследствии оказавшегося рабочим Обуховского завода, крестьянином Афанасием Красулиным, который стал отбиваться от городских и ударил Николенко три раза ножом в бок, в левую руку и в спину. Выстрелами воинской команды оказался убитым рабочий Обуховского завода Павел Максимов и смертельно раненым рабочий Николай Евдокимов и Адриан Гужков; из остальных же раненых в толпе к врачебной помощи обратились 10 человек, получивших более или менее серьезные поранения ружейными пулями и сабельными ударами. Раны же, полученные при вышеуказанных обстоятельствах сторожем Алексеем Курниковым и городским Николенко, отнесены были врачом к числу легких. Из числа должностных лиц при нападении толпы пострадали, независимо Курникова и Николенко, полицмейстер Палибин, у которого оказалась ушибленная рана на голове и контузия ступни; помощник пристава Войко, получивший сильный ушиб в живот, околоточный надзиратель Костюшко-Валюжинич, подпоручик Омского пехотного полка

единственное его «имущество», или же просил дать ему свидание с ней!

К маю месяцу начальник жандармского управления полковник Дьяков был переведен в Саратов, а его место в Самаре занял Клыков — плюгавый старикашка, известный своею шпионской деятельностью по Киеву и другим городам. Под руководством нового начальника Битепаж решил попытать счастья еще раз. На этот раз на помощь ему пришел доброволец шпион, — директор мужской гимназии Илья Редников. Еще в апреле этот царский лакей, присутствуя на заседании местного общества поощрения высшего образования, произнес речь, в которой потребовал, чтобы всех студентов, замеченных в участии в последних беспорядках, общество лишило пособий, стипендий и вообще всякой помощи. Надо отдать справедливость директору-шпиону: внося свое гнусное предложение, он понял смысл царской болтовни о «сердечном попечении» гораздо вернее, чем большинство наших либералов, считая в том числе и многих студентов. Но конечно, такое гнусное прислуживание нагайке и кнуту со стороны воспитателя юношества (кстати сказать, беспробудного пьяницы и отчаянного развратника, известного своими грязными похождениями всему городу) не должно остаться без ответа. Через несколько дней он получил письмо, в котором молодежь воздавала его лакейству должное. Письмо это Илья Редников тотчас же отправил в жандармское управление, и вот 30 мая предпринята была новая облава — на этот раз по преимуществу на молодежь. Экспедиция вышла довольно шумной для нашего тихого города: забрали больше 20 чел. студентов и гимназисток, совсем еще юных. Но добычи всетаки взято было немного. У одного студента взяли ответ Толстого синоду, первый номер «Рабочей Газеты» и еще несколько нелегальных бумаг, у других находили тоже некоторые нелегальные издания, но особенно обрадовала их неожиданная находка у юной девицы Хворостовой — письмо ее к сестре, в котором прямо сообщалось, что в Самаре организовано общество революционного свойства, при чем было указано несколько фамилий. Это дало повод сделать новый набег на управу: были обысканы оценочно-статистическое отделение и дорожное, при чем у запертых столов бесцеремонно сламывались замки. Нелегального не было найдено ничего, но тем не менее, в тюрьму были посажены еще новые лица: А. Шлихтер, Ивлиев, Португалов, К. Медынцев, Т. Семенов (привезен из Смоленска), Веденяник, Рейсс, Ровашев, Рейтлингер и другие и гимназистка

Н. Николаева. Но и на этот раз ликование Битепажа было преждевременное: несмотря на указания в письме, материала для «созданий» революционной организации было очень мало. Многим из арестованных не стоило ни малейшего труда доказать усердному царскому слуге, что его действия на основании наивного и явно нелепого письма девочки могут вызвать один только смех. Особенно комично было поведение жандармерии по отношению к Семенову, которому приписывалось руководство самарской организацией в то время, когда он уже несколько месяцев как выехал из Самары. Один из арестованных студентов (Ивлиев) оказался больным в последних градусах чахотки, и, несмотря на это, его держали довольно долго; выпустили только тогда, когда он окончательно слег и по городу стали циркулировать слухи, что держат в тюрьме умирающего. Большую часть пленников продержали до середины июля; к этому времени остались студент Веденяник и две девицы-гимназистки—Хворостова и Николаева. Из взятых раньше сидит только статистик Кудряков, так как, говорят, его паспорт был найден у Лаговского. Наднях была арестована петербургская курсистка Лебедева по приказу из Петербурга.

Демонстрация в Кишиневе. 11 сентября из Кишинева высылали в Вятскую губ. на три года по делу последних студенческих беспорядков бывшего одесского студента Домбровского. По этому случаю были заранее разбросаны прокламации, приглашавшие публику на демонстрацию. На вокзале собралось провожать высылаемого чел. 60—80. Когда товарищи стали прощаться с уезжавшим, жандармы начали выхватывать из толпы и арестовывать по одному человеку. Толпа заволновалась. Раздались приветствия высылаемому: «Прощай, товарищ, жертва произвола русского самодержавия!» В ответ на это жандармы снова схватили одного человека и потащили его в жандармскую комнату, где вместе с багажными стали его избивать. По отходе поезда толпа заявила, что не уйдет с вокзала, пока не освободят арестованного товарища. Жандармы обнажили шашки и при помощи вооружившихся палками багажных стали бить безоружную толпу. Одну женщину ударили по голове, один получил удар по лбу и щеке; кровь с него лилась ручьями. Одному рабочему шашкой рассекли руку. Все это возмутило по-

Кинареев, помощник прист. Старцев и свыше 15 городских, получившие более или менее значительные ушибы и ссадины.

На возникшем по сему поводу предварительном следствии, кроме поименованных Александра Ковальского и Афанасия Красулина, нанесших при вышеописанных условиях раны Курникову и Николенко, установлено участие еще 35 человек. По удостоверению чинов местной полиции, в числе лиц, шедших впереди толпы со двора карточной фабрики и камнями оттеснявших полицию в переулок к заводу, находились рабочие Обуховского завода: Александр Калинин, Михаил Пошехонов, Захар Анисимов, он же Андреев, Павел Константинов, Дмитрий Кокушкин, Дмитрий Ситников, Дмитрий Сажеников, Михаил Федоров, Иван Николаев, он же Иванов, и Дмитрий Вересов; рабочие Александровского завода: Ефим Дахин, Николай Чирков, Евдоким Трушин и Виталий Соколов; рабочий Путиловского завода: Константин Медянцев, бывшие рабочие Обуховского завода, рассчитанные перед беспорядками за прогул ими 1 мая: Дмитрий Петров, Григорий Емельянов и Константин Стефин, а также лица, не имеющие определенных занятий: дворянин Анатолий Гаврилов, крестьяне Александр Александров, Александр Дауэвальтер, Александр Щербаков, Александр Тарасов, Александр Богданов, Андрей Чирков, Семен Машистов, Михаил Кирилов и Иван Соловьев, он же Яблочкин; из них Медянцев и Соловьев, он же Яблочкин, по словам очевидцев Дмитрия Иванова, Анатолия Федорова и Малафея Соловьева, участвовали помимо того и в нападении на винную и чайную лавки. Кроме этих лиц, по показанию дворников карточной фабрики Андрея Гаврилова и Павла Петрова, во время бес-

порядков работницы означенной фабрики Марфа Яковлева и Лидия Бурчевская выбирали из мостовой булыжники и в подолах платья подавали их бросавшим в чинов полиции лицам, при чем Яковлева говорила: «мы стоим за братьев» Означенная Яковлева, по удостоверению заведующего домами карточной фабрики Петерса, известна ему как соучастница каких-то тайных сборищ. Далее, по словам ночного караульщика Беньковского и сторожа Александровского завода Матеюнаса, лицом, ранившим полицмейстера Палибина, был не имеющий определенных занятий крестьянин Василий Моисеев Багров; после беспорядков означенный Багров сам хвастался, что он не бездействовал, бросая в полицию камни; одним из них попал в лошадь какого-то полицейского, а другим в полковника с длинной черною бородой, так что тот упал и шапка свалилась с его головы; товарищ же его, Багрова, попал булыжником городскому в голову. Независимо изложенного, в толпе у шлагбаума замечены были приказчиком мясной лавки Иваном Голубевым рабочий Обуховского завода Александр Зайцев, бросавший с яростью в полицию камни и уволенный с завода Тимофей Завалишин, который бросил булыжником в жандармского офицера, но промахнулся и попал лишь в его лошадь. Еще ранее, нежели толпа начала бросать в полицию камни, городской Степаненко, между прочим, обратил внимание на рабочего Обуховского завода Николая Васильева Семенова, который, расхаживая с булыжником в руках, в разных местах возбуждал толпу против полиции словами: «Братины, не поддавайтесь, нам ничего не значит полиция». Во время беспорядков, по показанию городских Николая Пархимовича, Ивана Кржеминского, Парфена Кузнецова, Иосифа Сташкевича, Але-

## ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

стороннюю публику, бывшую на вокзале, которая стала требовать, чтобы ее записали свидетелем того, что жандармы били ни в чем неповинных людей. Публика силой ворвалась в жандармскую комнату, где находились арестованные, и была переписана в качестве свидетелей. Затем, забрав с собой арестованных, толпа двинулась в город к квартире губернатора, чтобы заявить протест. На улице к толпе присоединилось много рабочих. Дойдя до нескольких сот человек, толпа подошла к квартире редактора «Бессарабца», известного негодяя и антисемита, где перебила стекла при криках: «долой Крушевана»<sup>6</sup>. Затем толпа подошла к дому губернатора и стала его требовать, но он не вышел. Когда появился отряд конной и пешей полиции, толпа рассеялась.

На третий день после этого начались аресты и обыски у лиц, записанных на вокзале. Говорили, будто администрация хотела замять дело, но редактор «Бессарабца» подал донос в Спб, вследствие чего и начались аресты. В ночь арестов по городу распространены листки (ном. 3) «Группы объединенного протеста», несмотря на то, что вся полиция была настороже. В боковых улицах останавливали и обыскивали прохожих. На вопрос: «чего ищете?» полиция отвечала: «бумаги разбрасываете». Для разбора дела назначен товарищ прокурора Шелухин, известный юдофоб и близкий друг Крушевана и сотрудник его в «Бессарабце». Он-то будет вести следствие о демонстрации против Крушевана!

В заключение — интересный эпизод из области добровольного сыска. Есть здесь благотворительное общество «Бессарабец», в котором действует тот же Крушеван. Секретарем общества служил некто Каминский, арестованный за демонстрацию. На второй день после его ареста, во время заседания благотворительного общества, с вокзала зовут по телефону Каминского. Один из членов благотворительного общества, г. Шербан, отвечает, что он — Каминский. Говорившая, однако, зная голос Каминского, не поверила. Тогда другой член, г. Пронин, отвечает по телефону, что завтра в 4 часа Каминский будет здесь. Засим гг. благотворители дают знать об этом в жандармское управление, и на завтра к 4 часам в квартире благотворительного общества засел пристав с городовым. Однако, никто не пришел, и полиция осталась с носом.

Нижний-Новгород. 12 августа распространена прокламация между служащими на трамвае, приглашающая их к стачке. В числе 18 выставленных в прокламации и принятых рабочими требований отметим требование 11-е («чтобы было уничтожено запрещение курить, разговаривать и здороваться со знакомыми») и 14-е («чтобы обращались вежливо, на „вы“»). Остальные требования касаются рабочего дня, заработной платы, праздничного отдыха, штрафов и т. п. 16 августа рабочие предъявили эти требования директору. Последний, вместо объяснений, вызвал по телефону жандармов. Жандармский полковник грозил рабочим высылкой, арестом, обещал даже «высечь». Четверо зачинщиков было тотчас же расчитано и «порядок водворен» — только на долго ли? В течение лета агитация велась еще среди типографских рабочих (выпущены две прокламации). «Письмо товарища к нижегородским ремесленникам», изданное 17 мая, приглашающее многочисленных нижегородских ремесленных рабочих к борьбе с хозяевами, ходит по мастерским до сих пор, вызывая много разговоров.

Орехово-Зуево. Нам пишут: «В виду того, что за последнее время „Искра“ широко распространяется в Орехово-Зуеве и нам нет возможности предупредить всех товарищей словесно, мы просим напечатать, чтобы остерегались следующих лиц: М. Агапов (подмастерье), небольшого роста, рябой, толстые губы, на лице несколько поросших бородавок, говорит скороговоркой и при разговорах слюнявится, лет 35, русский, — старообрядческий миссионер, служит у жандармов, имеет часто собеседования в Орехове с православным миссионером Николаевым; И. С. Сапов, служит в хозяйской харчевой лавке в мясном отделе сторожем при дверях, черный, взгляд свирепый, пронизательный, говорит басом, отрывисто, рост средний; В. П. Мазурин постоянно ораторствует в отхожем месте на фабрике о социализме и притеснениях; что выведает,

кся Припатчева и Антона Метелицы, а также штаб-капитана Владимира Страховича и агента сыскной полиции Константина Швейковского, из толпы, а равно из окон дома у шлагбаума и дворов карточной фабрики раздавались револьверные выстрелы. По удостоверению же полицейских чинов села Александровского, в толпе особенно выделялись своей деятельностью рабочие Обуховского завода: Анатолий Ермаков и упомянутый выше Ефрем Дахин, Анатолий Гаврилов, Иван Соловьев, он же Яблочкин, Константин Медянец, Константин Стефан, Григорий Емельян и Александр Александров; лица эти выбегали из толпы и звали ее за собой, подбодряя ее личным примером и подстрекая к насильственным против чинов полиции действиям. Означенного Анатолия Ермакова видела в толпе у шлагбаума также и подручная казенной винной лавки Прасковья Михайлова: заметив ее, Ермаков крикнул: «Зачем закрыли казенки? Мы бы выпили для храбрости», а потом, обратясь к толпе он взмахнул руками и закричал: «бросать камни», после чего тотчас, как по сигналу, в полицейских из толпы посыпался настоящий град камней. У Ермакова, по словам Михайловой, в квартире хранились прокламации, и он и ранее часто высказывал, что добивается политической свободы и введения восьмичасового рабочего дня. 22 апреля же 1901 г. Ермаков ходил, с целью участия в демонстрации, на Невский проспект, захватив с собой красный флаг. Ефрем Дахин замечен был во все время беспорядков как лицо, принимавшее в них деятельное участие; по удостоверению городского Халдеева, Дахин находился в числе рабочих, избивших околоточного надзирателя Костюшко-Валужинича, и он же, Дахин, по показанию околоточного надзирателя Максимова и помощника

пристава Войко ударил последнего железным прутком по спине в то время, когда Войко с чинами полиции, под натиском толпы, принужден был отступить к заводу. Из остальных поименованных выше обвиняемых Анатолий Гаврилов, по словам околоточного надзирателя Бродовского, подстрекал народ бросать камни в полицию и сам бросал такие; обстоятельство это удостоверено и помощником пристава Келиным, в которого Гаврилов бросил камнем, но не попал. Точно также Гаврилова видел и мещанин Антон Барак бежавшим по Петровскому переулку и кричавшим толпе: «Что вы стоите и смотрите? беритесь за камни». У Гаврилова, по удостоверению сторожа Обуховского завода, Ивана Павлова, незадолго до 22 апреля 1901 года имелись воззвания, приглашавшие рабочих на означенное число на Невский проспект для какой-то манифестации; одну из этих прокламаций Гаврилов передал ему, Павлову, с просьбой бросить ее в мастерской, упоминая при этом, что 22 апреля он, Гаврилов, непременно пойдет на Невский проспект.

Все вышеуказанные данные послужили основанием для привлечения в качестве обвиняемых... (названных лиц)... Из числа этих лиц одна лишь Марфа Яковлева признала себя виновной, объяснив, что она действовала из сочувствия к рабочим, так как полицейские, разгоня толпившихся на улице, били ни в чем неповинных людей. Что же касается Александра Ковальского, то он признал себя виновным лишь в нанесении ран сторожу Курникову, объяснив, что совершил это преступление в состоянии опьянения, под влиянием происшедшей с Курниковым ссоры, но никакого бесчинства он не производил и в беспорядках не участвовал.

тотчас же сообщает; роста ниже среднего, говорит в нос, тщедушный. Предупреждаем владимирцев-на-клязьме, что Дмитрий Никитин (см. ном. 6 „Искры“) теперь уже служит урядником во Владимире. „Искра“ у нас читается нарахват, и сколько доставлено, вся находится в ходу. Благодаря ей, чувствуется сильный подъем у рабочих. Особенно много толкуют по поводу статьи по крестьянскому вопросу в ном. 3, так что требуют доставить этот номер. А на частном собрании рабочие выразили желание, чтобы „Искра“ напечатала еще несколько статей по этому вопросу.

«Много суждений по поводу столкновений рабочих с полицией и войском в Спб. Эти столкновения являются тельско началом общего такого движения, так что ореховские рабочие не заблуждаются, если говорят, что тут такое столкновение в будущем неизбежно, но что оно будет более жестоким и что идти против вооруженной силы с пустыми руками не следует, но „дубина и штык—одно и то же“».

Иваново-Вознесенск. В настоящее время у нас настало гонение на всех рабочих, которые, будучи прилично одетыми, выглядят не совсем глупыми. Каждый фабрикант приказал секретно своим заведующим, чтобы они принимали рабочих, только осмотрев их с головы до ног. И если который хорошо одет, то гнать его в шею с фабрики. Поневоле приходится одеваться в «котовскую» (босяцкую) одежду. Но если плохо принимают мужчин, то охотно раскрывают фабрику перед женщинами, и это понятно: женщина пока еще все терпит молча. В Богородске Захар Морозов отдает особое предпочтение рязанским, как более темным.

Надзор над рабочими усиливается. На одной фабрике недавно у входа сторожем обыскан пришедший в казарму рабочий, желавший собрать кое-какие сведения. По какому это праву? Ивановский городской голова Дербнев на своей фабрике изнуряет рабочих сверхурочными работами, дрящимися иногда всю ночь. На фабрике Бурылина практикуется в широких размерах обшчитывание рабочих при выдаче заработка.

Богородск. Глуховская мануфактура в Богородске, занимающая 13.000 рабочих и являющаяся одним из самых крупных промышленных заведений в России, слы-

вет в официальном мире «благоустроенной» мануфактурой, образцом похвальной хозяйской заботливости о рабочих. Корреспонденция в ном. 8 познакомила читателя с одной стороной действительной жизни городских рабочих, — с квартирными условиями. Здесь мы расскажем, руководствуясь присланным нам от местных товарищей сообщением, об условиях труда в Глуховской мануфактуре.

Санитарные условия безобразны, особенно в красильной мастерской, где и работа небезопасна вследствие неряшливой постройки здания и недостаточного ремонта: потолок начал проваливаться, доски пола не прибиты гвоздями и не отстроганы; щели между досками по вершку (сделано нарочно для стока краски). Благодаря этому стоку, из-под пола идут удушливые испарения; вентиляция недостаточна; на стенах и потолке плесень. «Всюду стоит пыль непроходимая», — пишет корреспондент.

Все это не где-нибудь в глуши, а в нескольких десятках верст от Москвы, в Московской губернии, интересы которой правительство близко принимает к сердцу, держа ее на положении «усиленной охраны». Как видно, «охраняя» губернию, да еще усиленно, позабыли об охране жизни и здоровья рабочих.

Работают на Глуховской мануфактуре тремя сменами, так что каждый рабочий работает один день 12 час., а следующий — 6 часов. Зарплата ткачей равен 14—18 руб. в месяц, при сильных штрафах, гнилой основе и утке (благодаря чему, как пишет наш корреспондент, зубы рабочего начинают гнить через месяц). Зарплата других рабочих не поднимается выше 28—30 руб. (накатчики). Красильщики получают 45—55 коп. в день.

В зимнее время (с 1 октября) заработок ткачей сокращается до 12—14 руб., благодаря тому, что идет самый скверный хлопок (коканский). «В это время частые штрафы, доходящие до 2 руб.». Также часты расчеты до срока найма и всякие прижимки. «За опоздание на 5 минут штрафуют до 20 коп., а сами машину пускают на полчаса раньше и останавливают минут на 20 позднее».

Но если миллионер Захар Морозов не стесняется прибегать к воровским приемам выжимания прибыли из рабочих, то он же и обращается с рабочими, как с крепостными. «У нас хозяин страшно любит стегать плеткой и до сих пор не бросает своего варварского обычая». Боясь, что при такой «страшной любви» г. Захар Морозов не бросит своего «обычая» прежде, чем его самого не отстегают рабочие, и, признаться, удивляемся, как это до сих пор по-

Все остальные обвиняемые виновными себя не признали, пояснив, что в буйстве они никакого участия не принимали и на чинов полиции не нападали, при чем некоторые из них сослались на то, что во время бесчинства они находились неотлучно у себя на квартирах, но объявления эти на предварительном следствии не нашли себе достаточного подтверждения.

Из имеющих в деле сведений видно, что из числа обвиняемых ранее сего понесли наказание за нарушение общественной тишины: Александр Тарасов 6 раз, Константин Медянец 3 раза, Дмитрий Вересов и Александр Щербаков по два раза каждый, Константин Стефан, Николай Семенов, Иван Николаев, он же Иванов, Михаил Федоров и Александр Богданов по одному разу; из них Щербакову за порочное поведение, распоряжением министерства внутренних дел, воспрещено было жительство в столицах и столичных губерниях по 11 августа 1902 г. Независимо сего обвиняемый Анатолий Гаврилов ранее судился пять раз экипажным и военно-морским судами за неисправимо дурное поведение, промотание казенных вещей и оскорбление своего непосредственного начальства и отбывал наказание в дисциплинарном батальоне.

На основании всего вышеизложенного обвиняются: 1) крестьянин Анатолий Иванов Ермаков, 22 лет, мещанин Константин Иванов Стефан, 36 лет, крестьянин Иван Ильин Соловьев, он же Яблочкин, 24 лет, мещанин Ефрем Степанов Дахин, 30 лет, дворянин Анатолий Иванов Гаврилов, 32 лет, крестьяне Константин Иванов Медянец, 18 лет, Василий Моисеев Багров, 28 лет, Григорий Емельянов, 28 лет, Александр Александров, 22 лет, мещанин Николай Васильев Семенов, 18 лет, крестьянин Александр Андреев Зайцев,

25 лет, мещанин Александр Савельев Калинин, 30 лет, мещанин Тимофей Степанов Завалишин, 29 лет, крестьяне Михаил Петров Пошехонов, 26 лет, Захар Анисимов, он же Андреев, 26 лет, мещанин Павел Александров Константин, 27 лет, крестьяне Дмитрий Карпов Кокушкин, 19 лет, Дмитрий Михайлов Ситников, 26 лет, Дмитрий Васильев Саженников, 17 лет, мещане Михаил Дмитриев Федоров 18 лет, Иван Николаев, он же Иванов, 18 лет, крестьяне Дмитрий Никитин Вересов, 20 лет, Николай Иванов Черков, 21 года, Евдоким Григорьев Трушин, 18 лет, Виталий Ефремов Соколов, 25 лет, мещанин Дмитрий Игнатьев Петров, 29 лет, крестьяне Александр Александров Даувальтер, 20 лет, Александр Иванов Щербаков, 24 лет, Александр Степанов Тарасов, 23 лет, Александр Елисеев Богданов, 25 лет, Андрей Иванов Чирков, 17 лет, Семен Петров Машистов, 22 лет и Никитин Красулин, 35 лет, — в том, что 7 мая 1901 года в селе Александровском Шлиссельбургского участка г. С.-Петербурга, по предварительному между собою договору, и совокупно с другими, следствием не обнаруженными лицами, они после произведенного на Обуховском сталелитейном заводе беспорядка, собравшись толпой на Шлиссельбургском проспекте, встретили явившихся для водворения спокойствия чинов полиции и воинской команды криками и бранью, и оказав явное противодействие предъявленному к ним требованию разойтись и прекратить буйство, а также сопротивление задержанию виновных в этих беспорядках, совокупными силами произвели открытое нападение на вооруженные отряды полиции и воинской команды, камнями отеснили таковую в переулок к Обуховскому заводу, а затем произвели выстрелы и бросали в них булыжниками до тех пор, пока не были рассеяны залпами

следние не применили этого средства, которым в былое время иногда крепостные заставляли своего мучителя-помещика отказать от предмета своей «страшной любви». 18 июня Морозов встретил четырех возвращающихся из города рабочих; из кармана у одного торчала «монополька». Рабочие направились в купальню. «Но тут налетел, как ястреб, сам опричник Морозов и давай стегать плеткой кого ни попало, говоря: „что же вы заставляете хозяина бегать за собой? Все деньги проживаете в городе, а не у меня“ а затем отправил их в сторожку. И так, у г. Захара Морозова рабочие обязаны «проживать» все заработанное в его же лавках и за нарушение этой обязанности могут попасть под арест. Знает ли об этом фабричная инспекция? Или она дожидается, чтобы глуховские рабочие при случае разнесли морозовские лавки? Не будет удивительно, если такие «патриархальные» порядки приведут к такому же патриархальному результату, как это бывало уже во многих местах.

Продолжим, однако, описание кнутаобойства г. Морозова. «Сам Морозов часто ходит в фабрике между станками с засунутой за голенищем плеткой и, если увидит, что ткач распускает рвань со шпули, то с остервенением наносит ему удар плеткой, штрафует и прогоняет с работы». Один ткач, которого Морозов в 1899 г. избил плеткой, «оказался не дурак и подал в суд. Дело ползло в трех судах, и, наконец, Морозов, тяжело вздыхая, сказал: „Я бы лучше слил себе золотого ткача, чем мне стоили эти суды“». Плетки в ходу также среди десяти «объездчиков», содержащихся Морозовым. Повидимому, беспорядки в Екатеринославе и в имени графа Рибопьера, вызванные неистовствами подобных «объездчиков», не заставили задуматься московских тузов, что такой способ «поддержания порядка» представляет оружие обоюдоострое.

В фабричной больнице «живая умора, а не поправка». Еще бы! Кормят больных щами из кислой капусты, да еще прокислыми!

О рабочих корреспондент пишет: «Они не пугливы, особенно молодежь, но беда в том, что всякий протестует в одиночку и требует расчета, которого ему иногда не выдают».

«Есть у нас библиотека. И, конечно, часто бывает желание прочесть что-нибудь поинтереснее. Отправится кто-нибудь этак за книжкой, смотришь, — тащит оттуда какую-нибудь сказку, и нельзя сказать, что он рад ей. Даже Достоевского нет, а о каких-либо Шелгуновых и

Писаревых забудь и думать. Один из рабочих как-то спросил Дарвина, но на его вопрос только разинули рот. Преимущественно дают книжки, которые старательно отупляют мысли рабочего, и без того забитого, а книжки религиозно-нравственного содержания молодежь читать не будет, она точно чутьем слышит их отупляющее и вредное направление... Тайных библиотек пока нет, а потому нет никакой возможности удовлетворить проявляющееся стремление к знанию».

Тамбов. Стачка в тамбовских железнодорожных мастерских. 29 июля в кузнечном цехе было вывешено объявление, в котором говорилось, что по примеру саратовских вагонных мастерских вводятся новые правила о штрафах\*. 3 августа после обеденного гудка собрались рабочие в одном из отделений; стали раздаваться голоса: «пускай гудит гудок, а мы работать не пойдем». Эта маленькая кучка рабочих все увеличивалась, а через несколько минут те рабочие, которые начали было работать, вышли из своих отделений и двинулись на площадь двора. Старший мастер Мыльников приблизился к ним, стал упрашивать статью на работу и спрашивать, чем рабочие недовольны. Когда ему объяснили, в чем дело, Мыльников стал доказывать, что объявление о штрафах повешено для пользы рабочих: вы-де, господа, будете больше работать и меньше спать, а поэтому зарабатывать будете больше. На это некоторые рабочие отвечали ему, что не видят для себя пользы в новых правилах о штрафах: нас будут штрафовать и увольнять за то, что мы опоздали на 5 минут, — и это для нас польза! Пришел начальник мастерских Зубков; ему рабочие единодушно заявили, что не станут на работу, пока не будут отменены правила о штрафах. Тогда Зубков предложил рабочим выбрать несколько депутатов для переговоров с ним. Рабочие ответили ему, что выборных не пошлют, потому что их могут потом уволить или в тюрьму засадить. Зубков обещал, что с выборными ничего подобного не будет. После этого рабочие выбрали

\* За четвертое опоздание делают выговор в конторе; за пятое штрафуют в размере половины денного заработка; за шестое увольняют. Таким образом, рабочий имеет право в течение всей своей жизни опоздать (хоть бы на одну минуту) три раза.

подоспевшей на место морской команды, при чем во время описанных выше беспорядков некоторым полицейским нижним чинам причины были более или менее значительные повреждения, а поименованные обвиняемые Анатолий Ермаков, Ефрем Дахин, Анатолий Гаврилов, Иван Соловьев, он же Яблочкин, Константин Медянец, Константин Стефан, Григорий Емельянов и Александр Александров действовали в качестве зачинщиков совершенного преступления. Означенное преступное деяние предусмотрено ст. 13 и 263 улож. о наказ. 2) мещанин Александр Михайлов Ковальский, 26 лет, — в том, что тогда же и там же, по уговору с другими лицами, явился на место преступления для участия в задуманном насильственном противодействии чинам полиции и воинской команды и, желая проникнуть на завод, куда его не пропускал сторож Алексей Курников, в намерении лишить последнего жизни, в состоянии запальчивости и раздражения, нанес ему ножом в голову, шею и спину 9 ран, но намерения своего выполнить не успел, будучи задержан подоспевшими чинами полиции. Преступления эти предусмотрены ст. 13, 266, 9 и 2 ч. ст. 1455 улож. о наказ. 3) Поименованный выше Афанасий Никитин Красулин обвиняется также и в том, что тогда же и там же, с целью лишить жизни пытавшегося арестовать его городского конно-полицейской стражи Матвея Николенко, нанес последнему ножом три удара в руку, спину и бок, но не достиг своей цели по независевшим от воли его обстоятельствам. Преступление это предусмотрено ст. 9 и 2 ч. 1455 ст. улож. о наказ., и 4) крестьянки Марфа Яковлева Яковлева, 18 лет, Лидия Кириллова Бурчевская, 18 лет, обвиняются в том, что тогда же и там же по уговору с другими лицами и с целью оказать им содействие к совершению

описанного выше нападения на полицейских и воинских чинов, они доставляли своим соучастникам булыжники, которые были затем брошены в полицейскую и воинскую команду. Преступление это предусмотрено 4 п. 13 и 263 ст. улож. о наказ.

А потому и на основании 201 ст. уст. угол. суд... (обвиняемые)... подлежат суду С.-Петербургской судебной палаты, с участием сословных представителей. Составлен июля 24 дня 1901 г. в городе С.-Петербурге. Подлинное подписал: товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда В. Ф. Арнольд.

Свидетели:

1. Генерал-майор Геннадий Александрович Власьев, начальник Обуховского сталелитейного завода. 2. Подполковник Константин Власьевич Иванов, помощник начальника Обуховского завода. 3. Александр Степанович Демидов, заведующий мастерской Обуховского завода. 4. Полковник Владимир Петрович Палибин, полицмейстер 3 отделения. 5. Помощник пристава Шлиссельбургского участка Николай Иванович Келин. 6. Старший береговой боцман Георгий Павлов Заставной, Обуховский завод. 7. Матрос 19 флотского экипажа Иван Ерофеев Витущенко, Обуховский завод. 8. Полицейский надзиратель Шлиссельбургского участка Константин Михайлов Лесневич через начальство. 9. Алексей Васильев Курников, сторож Обуховского завода. 10. Петр Ефимов Дорохов, сторож Обуховского завода. 11. Василий Ильин Гаврилов, сторож Обуховского завода.



депутатов и затем все (на заводе около 2.000 чел.) разошлись. На следующий день рабочие пришли на завод, но не работали и собрались на дворе, и когда подошел Мыльников и стал звать на работу, то депутаты передали ему список требований, составленный ими отчасти самостоятельно, отчасти на основании заявлений других рабочих: 1. Отменить новые правила о штрафах. 2. Уволить мастера Дрюхова. 3. Внести в расчетные книжки празднование 19 февраля, Ильин день и день Питирима (местного святого). 4. Расценки должны назначаться не по произволу бригадира, а по соглашению его с рабочими бригады. 5. Бригада должна иметь право сама без вмешательства заводской администрации выбирать и увольнять бригадира. 6. Хорошее обращение с рабочими. Мыльников передал требования рабочих Зубкову. В этот день работы не было. 5-го и 6-го были праздники. 6-го арестованы 4 рабочих. Все — депутаты, которым Зубков гарантировал неприкосновенность. В ночь с 6-го на 7-ое жандармы разнесли нескольким десяткам рабочих записки с приглашением явиться 8-го в контору для получения расчета. Из них человек двадцать пошли 7-го жаловаться губернатору. Губернатор их не принял и им было сказано жаловаться, если хотят, письменно. Губернатор издал прокламацию (она была расклеена на заводе и вокзале), в которой грозил всех, кто не станет на работу 8-го августа, выслать на место приписки, а зачинщиков административным порядком в восточные губ. После этого стачка прекратилась.

10 августа местной группой распространена на заводе прокламация. 24-го были арестованы и на следующий день выпущены еще трое рабочих. Во время забастовки стал было уговаривать рабочих начальник железнодорожных жандармов Эрнст. Рабочие встретили его бранью и насмешками.

Саратов. Удаление нескольких «подозрительных» рабочих за участие в июньской стачке вызвало новую забастовку в железнодорожных мастерских. Недовольство рабочих усиливалось тем обстоятельством, что обещание восстановить расценки 1890 г. не было исполнено. 17 августа рабочие бросили работу. Между стачечниками и не желающими примкнуть цехами произошло столкновение. В числе предъявленных рабочими требований интересно отметить требование устроить особую комнату для совещания депутатов (на выбор последних администрация согласилась в июне), дать рабочим свободно собираться для совещания с депутатами и установить часы для приема последних начальником. 18 августа мастерские закрыты по распоряжению начальства.

Во время массовой безработицы три тысячи рабочих выбрасываются на мостовую!

Одесса. 30 июля закончилась стачка портняжной мастерской Богатырского. Стачка продолжалась 10 дней, и в ней приняли участие все рабочие этой мастерской, вплоть до мальчиков включительно, всего около 25 человек. Рабочие добились весьма солидных улучшений (для данного времени): прибавили по 75 коп. на штуку платья тем, которые работают поштучно, и по 6 руб. в месяц работающим помесечно. За каждый прогульный не по вине рабочего день до сих пор рабочие ничего не получали; теперь же они добились того, что за каждый такой день будут получать по полтора рубля. Все рабочие других мастерских и также безработные отнеслись весьма сочувственно к борьбе своих товарищей и деятельно помогали им деньгами, а также и тем, что не допускали, чтобы работа стачечников попадала в другие мастерские. Кто хоть немного знаком с условиями работы портных, тот поймет, до чего должна была дойти эксплуатация труда, если рабочие решились устроить стачку во время мертвого сезона. И условия эти поистине были ужасны! За 14—15-часовой рабочий день взрослый рабочий получал 4—2 руб. в неделю. Выбор был не велик: либо работать, выбиваясь из сил и голодая, либо попробовать бороться за улучшение своего положения. «Ведь, рисковать нам нечем», говорили они. Рабочие выбрали второе. Богатырский — один из

тех предпринимателей, которых в последнее время развелось не мало. Крупные магазины готового платья, не успевая выполнять все свои заказы, с давних пор сдавали часть своей работы мелким портным, для которых она являлась серьезным подспорьем. Предприниматели вроде Богатырского лишили мелких портных их запасной работы, забирая оптом всю лишнюю работу из крупных магазинов и производя ее в своих собственных мастерских. Крупным магазинам, конечно, удобнее иметь дело с одним хозяином, чем со многими отдельными портными. Эта у нас среди портных сравнительно новая форма эксплуатации является для нас страшным бичом. Во-первых, она ложится двойным гнетом на нас, работающих на таких посредников, и во-вторых, такие посредники являются запасным резервом для владельцев крупных магазинов в случае стачки в них рабочих. В среде портных наших — сравнительно еще мало сознательной — в последнее время все чаще раздаются голоса в пользу борьбы не с отдельными паразитами-посредниками, а с самой системой этой формы эксплуатации. Предлагают, напр., бойкотировать в сезонное время таких посредников, а пока бастуют и требуют улучшения своего положения. Стачка у Богатырского прошла мирно. Полиция против обыкновения не вмешивалась. Арестов во время стачки не было.

Не успели еще мы позабыть стачку, как наши «охранители» напомнили нам о своем подлом существовании. В ночь с 10-го на 11 августа произведены были у нас повальные аресты и обыски. Арестовано 35 чел., большую часть рабочих.

Тула. Перед 1 мая по городу ходили толки, что 1 мая будет бунт рабочих, что они убьют директора завода и проч. Когда к 18 апреля были в громадном количестве распространены прокламации (расклеены по домам, разбросаны, разосланы по почте и проч.) и публика увидела, что никакого бунта не будет, то встретила их с полным сочувствием. 1 мая несколько сот рабочих не работало. Директору была предъявлена прокламация с требованиями. Обрадовавшись, что там нет ничего против его персоны, он обещал удовлетворить все местные требования. Характерно, что, когда рабочие одного цеха предъявили ему свои частные требования, то он ответил: «Я не принимаю никаких требований от отдельных лиц: вот, соц.-демократический комитет выставил общие требования: что от меня зависит, то я выполняю, а с отдельными лицами я не могу вступать в разговоры».

Полиция до того растерялась, что производила обыски в тех домах, на которых были наклеены воззвания.

Вильна. Июль прошел здесь довольно оживленно. Произошло несколько крупных стачек, как-то: маляров (до 500 чел., окончилось победой), 40 приказчиков в магазине Залкинда и, наконец, рабочих почти всех кожевенных заводов (свыше тысячи человек).

Приказчики в магазине Залкинда требовали закрытия магазина в 9½ часов вместо 11, устройства сидений для приказчиков, вынужденных стоять весь день, и т. п. Не желавший уступать хозяин заменил стачечников всей своей родней, в числе которой находился, между прочим, его сын, только что окончивший университет. Этот молодой человек, являясь для переговоров с представителем приказчиков, сказал ему: «Да я ведь знаю, что вы все организованы, я ведь сам социал-демократ (!), участвовал в разных обществах». И вот этот-то «социал-демократ» удерживал своего отца от уступок, он же доносил отцу на тех приказчиков, которые осмеливались в «рабочее» время пить чай и, повидимому, по его же настоянию, по окончании стачки (были удовлетворены все требования) был рассчитан упомянутый приказчик-депутат.

Скоро по окончании стачки один из главных приказчиков был вызван в жандармское управление. Расспросив о том, что происходило в магазине и об условиях труда, жандармский офицер признал, что эти условия прескверны, и советовал впредь обращаться к нему, когда приказчики будут чем-либо недовольны. Старик-приказ-

чик ответил на это, что он не знал, что для приказчиков роль фабричного инспектора играют жандармы. «Вот, вот, — подхватил офицер, — именно обращайтесь ко мне, как к фабричному инспектору. Я надеюсь, следовательно, что, если у вас опять зайдут разговоры о стачке и т. п., то вы предварительно придете поговорить со мной. Не так ли?» Приказчик наотрез отказался.

В июле на одном из заседаний думы было прочитано предложение губернатора уплатить 5½ тысяч за экстренные расходы по вызову в Вильну и содержание в течение двух месяцев казаков. Дума единогласно (без всякого протеста) выдала требуемую сумму.

12 августа в городе распространено (на еврейском яз.) воззвание по поводу бывших здесь арестов.

Уволен за... несчастный случай! Из Орехово-Зуева сообщают о несчастном случае с котлочистом, который был обварен паром во время своей работы. Когда рабочий несколько оправился и был в силах пойти в контору, то там ему вместо вознаграждения выдали на руки паспорт. Рабочий обратился к фабричному инспектору. «Но, как известно, наши фабричные инспектора в большинстве случаев большие прохвосты и лакеи капиталистов». Фабричный инспектор в ответ на жалобу рабочего стал сам ему жаловаться на Савву Морозова: «Вот смотрите, какое я занимаю помещение от хозяина; что я с ним могу поделаться?» В заключение он дал рабочему совет поискать работы на другой фабрике.

Несчастный фабричный инспектор! Не может ли царское правительство похлопотать у Саввы Морозова, чтобы он не держал прикомандированных от министерства финансов лакеев в черном теле?

А г. фабричному инспектору предлагаем, если у него есть еще какие-нибудь претензии против Саввы Морозова, обратиться в «Искру» для их опубликования.

## ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

### ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ.

#### Письмо третье.

Прерываю свои беседы о социалистической партии во Франции, чтобы поговорить о событии, непосредственно нас касающемся: о приезде царя.

Было бы ребячеством отрицать, что царское самодержавие—но только оно, а отнюдь не Россия—выиграло от поездки царя по Европе. Франко-русский союз—самая выгодная комбинация, к которой царизм мог прибегнуть, чтобы продлить свое существование. Во Франции, классической стране «сбережений», денег много, а рынков и промышленной инициативы мало, — и вот французская мелкая буржуазия охотно несет свои денюжки царю, платящему ей 4%, между тем как во Франции она может получить лишь 2½—3%, тем более, что оппортунистские правители, за все время своего продолжительного господства бесстыдно спекулировавшие на страх мелкой буржуазии перед новым «нашествием» немцев, выставляют царя как спасителя и могущественного покровителя «отечества в опасности», а финансовые спекулянты, получающие огромные комиссионные проценты по русским займам, восхваляют неисчислимые богатства России, а русские ценности — как самое выгодное и самое безопасное «помещение».

Но царская дружба не давала никаких осязательных результатов, а французские сбережения между тем не переставали уплывать в бездонные кассы царского казна-

чейства: за какие-нибудь 12—13 лет эти кассы поглотили свыше 8 миллиардов французских денег. С другой стороны, как во Франции ни держат в своих руках прессу правительство и финансисты, но то в ту, то в другую газету проникали время от времени глухие известия о хронических голодовках в России, о финансовых фокус-покусах Витте, о росте революционного пролетариата, — и даже меднолобый мелкий буржуа начинал задумываться и уже не так охотно покупал русские бумаги. Всем известно, что Витте, приехавший сюда во время выставки с целью заключить заем, встретил довольно холодный прием. Правда, Делькассэ потом поскакал в Петербург и сам предложил 400 миллионов, но в общем нельзя было не видеть, что французскому мелкому буржуа начинает надоедать роль дойной коровы. И вот царскому правительству пришла гениальная идея: сблизиться с Германиею и заставить Францию проделывать то же самое, посулив ей, вероятно, возможность останавливать в Африке разгоревшиеся аппетиты Англии. Я не хочу сейчас касаться того, какие международные грабежи будут результатом этой новой международной группировки, ни того, какое положительное или отрицательное влияние это может оказать на рост революционного самосознания вообще и русского в частности. Нам важно отметить пока, что по крайней мере в течение нескольких лет царь будет держать Францию в полном подчинении, под угрозой покинуть ее и окончательно сблизиться с Германиею, так что Франция попрежнему будет давать деньги царю, да и Германия перестанет, вероятно, так скупиться, а этого ему только и надо.

Тем теснее должны мы сблизиться с французским революционным пролетариатом. С ним у нас общие интересы, общие идеалы, — и он может помочь нам наносить удары царизму даже на почве его международной политики. С этой точки зрения теперешняя поездка царя во Францию очень выгодно отличается для нас, социал-демократов, от его первой поездки в 1896 г. Тогда вся Франция принимала царя и раболепно преклонялась перед ним. Тогда — к чему скрывать? — ни один голос не раздался, который с негодованием и презрением отверг бы царя с его могуществом, дружбой, союзом и который открыто высказал бы свою солидарность с нами, смертельными врагами самодержавия. Тогда до известной степени можно было бы утверждать, что вся Франция соединяется с царем, потому что даже социалы-революционеры заняли в этом вопросе нейтральную позицию, выжидая, чтобы действительность отрезвила народ, опьяненный царским могуществом и великодушием, о котором подкупленные правительством и финансистами газеты писали каждый день в течение долгих месяцев восторженные статьи. Чем объяснить эту ошибку французских товарищей, ошибку, которую они теперь сами признают? Отчасти мы, русские социалы, сами тому были виною. Мы слишком мало держали в известности наших французских товарищей о том, что творилось в России, они почти ничего не знали ни о преступлениях царского правительства, ни о нашей борьбе с ним; они думали, что потрясшие весь мир своим геройством «нигилисты» окончательно побеждены царизмом, сметены им с лица русской земли, и не имели почти никакого представления о том, что на смену «нигилистам» как раз в это время вставала новая партия, партия пролета-

риата, которая исполнит то, чего не в силах были исполнить «нигилисты». С другой стороны — это был как раз тот период развития французской социалистической партии, когда старые революционные организации позволяли уже и в то время обнаружившему свои оппортунистические тенденции Мильерану играть слишком видную роль в партии, выступать почти ее главным представителем (что, кстати сказать, и дало ему возможность пустить столь глубокие корни в партии и послужить впоследствии одной из главных причин ее раскола).

Как бы то ни было, но тогда официальная Франция могла утверждать, что царь был гостем и союзником всей французской нации. Теперь картина совсем другая. Как только было объявлено, что царь должен приехать, весь организованный пролетариат, от самых умеренных представителей его до самых крайних, единодушно и в самых резких выражениях протестовал против того, что «палач русского народа, убийца русских рабочих и социалистов, наполняющий тюрьмы и далекую Сибирь борцами за свободу и социализм» и проч., «опозорит своим посещением французскую землю», и не менее единодушно, на этот раз в братских выражениях, заявлял о своей полной солидарности с русским пролетариатом и вообще со всеми, кто борется в России за свободу и социализм. «Petit Sou», орган «гедистов» и «бланкистов», ежедневно печатал множество резолюций, которые присылались рабочими организациями из всех углов Франции. Глубоко сожалею, что недостаток места не позволяет мне привести здесь дватри десятка этих резолюций. Но, чтобы дать вам хотя бы некоторое представление о них, приведу резолюцию, принятую «гедистами» на своем конгрессе в Рубе, происходившем как раз во время пребывания царя во Франции:

«В момент, когда буржуазная республика и министерство, именуемое себя „министерством республиканской защиты“, собираются вслед за Деруледами и Дрюмонами холопствовать перед царем, являющимся живым олицетворением кнута и Сибири,

«Французская Рабочая Партия, собравшись на своем 19-м национальном годичном конгрессе, приветствует русский пролетариат и русскую социал-демократию; объявляет себя солидарной с ними в их геройской борьбе и вместе с ними перед лицом Николая Второго и последнего восклицает: Долой царизм!

«Французская Рабочая Партия клеймит перед лицом рабочих и социалистов всего мира республиканцев à la Вальдек-Руссо, радикалов à la Ланессан и Боден, социалистов à la Мильеран, которые, поддерживая своими приветствиями и нашими деньгами русский деспотизм, этот позор двадцатого века, эту главную опору европейской реакции, совершают измену по отношению не только к будущему, но и к настоящему человечеству».

Среди единодушного хора всех социалистов — повторяю, всех, без исключения — одни лишь ближайшие приятели Мильерана, и в том числе Жорес, хранили гробовое молчание.

Но против посещения царя протестовали не только рабочие и социалисты, но и та более или менее социалистически настроенная интеллигенция, которая, под влиянием социально-политической эволюции последних лет, все более и более проникается сознанием, что ее

спасение в единении с рабочим классом. Многие писатели, художники и ученые отказались поехать в Компьень на торжественное представление приветствовать царя.

Характер «альянса» (союза) таким образом вполне определился: это есть союз царя и его клеветников с французской буржуазией. Оба союзника вполне достойны друг друга. Устраивая друг другу тем более пышные приемы, что расходы покрываются на деньги обворовываемого народа, они только и думают, как бы друг друга перехитрить и обмануть. Увы! Кто бы ни перехитрил, расплачиваться придется все тому же народу...

Но чем яснее определился действительный характер альянса, тем больше презрения и негодования вызвало поведение Мильерана, который вместе со всей буржуазной кликой пресмыкался перед тираном. На этот раз от «гражданина-министра» отшатнулись даже все его неизменные защитники, за исключением, повторяю, некоторых его ближайших приятелей, в том числе и Жореса.

Нет никакого сомнения, что вопрос о поведении Мильерана в этом вопросе будет поднят в генеральном комитете партии, до сих пор не решавшейся порвать с мильеранистами и жоресистами, и это послужит одной из причин окончательного краха «новой методы». Об этом, впрочем, в другой раз.

[В. Даневич-Гуревич]

## ГОЛЛАНДИЯ.

В июне происходили выборы в парламент. Они дали повод ко многим перебаллотировкам, и окончательные результаты их выяснились только в августе. Наши товарищи могут быть довольны этими результатами. Хотя избирательная реформа 1896 г. значительно увеличила число избирателей, но это увеличение ограничилось только мелкой буржуазией и наиболее сознательными слоями рабочего класса. Число избирателей в сельских округах увеличилось в несравненно большей степени, чем в городах. Так, напр., в таких крупных городах, как Амстердам и Роттердам, правом голоса пользуется от 6,5 до 7,5% населения, между тем как в сельских округах избиратели составляли 20% всего населения. Этим в значительной степени объясняется кажущийся неуспех социал-демократов в городах. К этому надо присоединить еще и те затруднения, с которыми приходится встречаться при назначении кандидатов. Для этого требуется 40 подписей. А так как подписываться приходится рабочим, то это влечет за собою для них целый ряд преследований со стороны предпринимателей. О той кампании клевет и лжи, которая направляется против социал-демократов при выборах, нечего и говорить: это обычное оружие в руках господствующих классов.

И все-таки, несмотря на эти затруднения, несмотря на выделение из либеральной партии группы свободомыслящих демократов, партии социальных реформ и «смягчения» классовой борьбы, наши товарищи одержали крупную победу. В 1897 г. они выставили кандидатов в 29 округах, в этом — в 54. Вместо 13.500 голосов, которые они получили в 1897 г., теперь подано за них 38.648. Особенно прочные корни пустила социал-демократия в провинциях Фрисландии, Гронингене, сев. и южн. Голландии и Оверисселе (наиболее густонаселенные провинции). В Фрисландии и Гронингене, центрах капиталистического земледелия и скотоводства, среди избирателей преобладают рыболовы, сельские рабочие и мелкие арендаторы, в сев. и южной Голландии и Оверисселе — промышленные рабочие (в первых двух — шлифовальщики алмазов, судостроительные рабочие, рабочие, приготавливающие паруса и снасти, в последней —

хлопчатобумажные). Больше всего депутатов социал-демократия получила в так наз. сельских провинциях. Только один депутат (Ван-Коль) выбран в крупном центре хлопчатобумажного производства (Эншеде). Два кандидата были выбраны в двух округах одновременно (Шапер и Ван-дер-Цвсаг). Зато Трульстра, один из главных организаторов партии, был побит. Надежда провести его в палату на дополнительных выборах в Веендоме, где уже был выбран Шапер, не оправдалась. Хотя он получил на 200 голосов больше, но все-таки не был выбран, так как против него соединились все буржуазные партии, в том числе и свободомыслящие демократы. Таким образом, социал-демократы получили бы только 6 мест, но на дополнительных выборах в Лохеме (тамшний депутат должен был сложить с себя полномочия, так как был назначен министром) прошел социал-демократ Гельсинген. Вместе с ним социал-демократы имеют в палате семь представителей (в прошлой — троих). Но эти успехи покажутся еще крупнее, если мы познакомимся с теми трудностями, которые молодой голландской социал-демократии приходилось преодолевать в своем развитии.

На первый взгляд, казалось бы, Голландия представляет самую благоприятную почву для развития социалистических идей. Резкая противоположность между богатством и бедностью, дух свободы, воспитанный столетиями борьбы за независимость, — все это должно было сделать голландских рабочих более восприимчивыми к социал-демократическим идеям. К тому же нигде, кроме Италии, капитализм не развивался так рано, как в Голландии. В XVII и XVIII веках Голландия занимала первое место среди торговых и промышленных стран. Еще и теперь Голландия принадлежит к числу таких стран: в иностранные ценности она вложила капитал в 4 миллиарда марок. По количеству дохода и ценности вывозимых и ввозимых товаров, приходящихся на каждого жителя, Голландия и теперь занимает первое место. Но это же обстоятельство смягчало антагонизм классов. Богатая буржуазия, казалось, наживалась насчет иностранных государств. Многочисленные колонии и вызываемые ими постоянные войны поглощали избыточное население. Мало-помалу общественная жизнь отлилась в определенные, прочные формы. Голландия превратилась в своего рода буржуазный Китай. Буржуазия копила проценты по комиссионным и ссудным операциям, увлекалась искусством и рассадкой тюльпанов, пролетариат, особенно так наз. «городская чернь», приучился смотреть на эти порядки, как из века существующие, бог-ом данные, а крестьянство выращивало скот, вырабатывало масло, сыр и овощи и избытки отвозило в города. Так все обстояло благополучно до 1789 г., когда громы французской революции разбудили и сонное голландское население. Постепенно старые голландские «вольности» уступили напору «нового времени», и в 1848 г., наконец, были заменены «писанной» конституцией, на первых порах считавшейся только с состоятельными классами. Пролетариат молчал. Но отделение Бельгии, происшедшее в 1830 г., дало толчок развитию крупной промышленности со всеми его последствиями. Мелкое производство с его патриархальными отношениями все больше вытесняется. Если еще в 1866 г. рабочих, живших у мастеров, насчитывалось 109.759 чел., то в 1896 г. таких рабочих было уже только 82.691 чел. Особенно быстро развивается крупная промышленность начиная с 70-х годов. Городское население, составлявшие в 1870 г. 936.827 чел., в 1896 г. уже равнялось 1.677.759 чел. Образуется промышленный пролетариат, не похожий на прежнюю «чернь». Начинается рабочее движение, стачки учащаются. Но старые традиции все еще сильны. Рабочие не хотят слышать о социализме и совершенно поглощены, по выражению одного из самых испытанных организаторов голландской социал-демократии (Поляк), «борьбой за сокращение рабочего дня на полчаса и увеличение заработной платы на пару пфеннигов». Главная рабочая организация (Всеобщий Нидерландский Рабочий Союз), образовавшаяся еще в 60-х годах, до сих пор еще занимается «чисто экономической борьбой» и продолжает тянуться в хвосте радикальной партии. Только отдельные личности присоединились к Интернационалу и образовали несколько секций, не имевших никакого влия-

Кризис 70-х годов сделал рабочих более внимательными к социалистической пропаганде. В 1878 г. образуется маленькая организация (портной Гергардт), к которой вскоре присоединяется Домела Ньювенгауз, начавший в 1879 г. издавать газету «Право для Всех». Бывший пастор, очень состоятельный человек, с крупным литературным и ораторским талантом, он оказал делу социализма неограниченные услуги. К сожалению, он не был человеком, который был бы способен к многолетней систематической борьбе, иногда без всякого видимого успеха. А первый период развития социал-демократии в «классической стране свободы» был особенно тяжел. Правящие классы пустили в ход все средства: собрания разгонялись вооруженной силой, население натравливалось на агитаторов, которых часто избивали, наиболее влиятельных сажали в тюрьмы. Все это ожесточало рабочих: многие разочаровались в политической борьбе. Анархизм с его отрицанием политической борьбы распространялся все больше. Домела был увлечен этим течением. А расцвет промышленности в конце 80-х и начала 90-х годов, доставивший несколько успехов рабочим в их борьбе с предпринимателями, увлек их в сторону «чисто экономической борьбы». Наконец, на конгрессе в Гронингене была принята резолюция, гласившая, что «партия не примет никогда участия в выборах даже ради агитационных целей». Произошел раскол. Небольшое меньшинство, оставшееся верным социал-демократии, отделилось. Их было всего 12 чел. (Трульстра, Ван-Коль, Флиген, Поляк и др.). 26 августа 1899 г. они основали новую партию, под названием «Социал-Демократическая Рабочая Партия». С тех пор начинается ожесточенная борьба между новой партией и Союзом Социалистов (так называлась партия Домелы). Последний продержался недолго. В нем произошел новый раскол. Группы анархистов выделились вместе с Домелой, а остальные члены решили соединиться с сильно разросшейся между тем социал-демократической партией: в 1895 году она имела 19 секций с 700 членами, а в 1899 г. уже 52 секции с 2.500 членами. На выборах 1897 г. ей удалось провести в парламент 2-х кандидатов (Трульстра и Ван-Коль). Объединительный конгресс имел место 24 июня 1900 г. в Амстердаме. Единогласно была принята резолюция следующего содержания: «Принимая во внимание, что не в интересах рабочего класса, чтобы согласно мыслящие боролись за одно и то же дело враздробь; убежденный, что второстепенные различия по вопросам тактики легко могут быть устранены; сознавая, что многие, солидарные с ним во взглядах, держались вдали от организации только потому, что не было единой объединенной социал-демократической партии», конгресс признает, что борьба за освобождение рабочего класса должна быть ведена как путем профессиональных организаций, так и посредством политической рабочей партии. Новая объединенная партия сохранила название старой соц.-демократической рабочей партии и под этим именем приняла участие в последних выборах.

Еще несколько слов о так называемой «аграрной программе», принятой на конгрессе в Аренгейме в 1897 г. От французской и румынской ее отличает «безусловное отсутствие требований, целью которых является поддержка мелкого землевладения или укрепление современных условий существования класса, занимающегося сельским хозяйством». Все постановления ее касаются сельских рабочих и мелких арендаторов.

Только что получено из Голландии известие, что там делаются попытки организовать другую рабочую партию, «в которой интеллигенция не занимала бы такого преобладающего места», как в старой партии. Эти попытки производятся теми же людьми, которые еще так недавно были против политической борьбы. Предпочтение «мускулистой руки» и «чисто экономической борьбы» тут, как и всюду, составляет отличительный признак того течения, которое, смотря по обстоятельствам, является то анархическим, то поппулистическим. Этой новой партии грозит та же судьба, что и выродившемуся в анархическую группу Союзу Социалистов Домелы.

[Н. Рязанов]

## ГЕРМАНИЯ.

## Конгресс социал-демократической партии в Любеке.

С 22 по 28 сентября в Любеке происходил годичный съезд германской социал-демократической партии. Присутствовало 230 делегатов и 8 делегатов от имени социал-демократических партий других стран. Конгресс приветствовали представители французских, австрийских, английских, голландских и швейцарских рабочих. Из России было приветствие от «Искры».

Из отчета, прочитанного правлением партии, узнаем, между прочим, следующее: доходы партии в текущем году составили (в круглых цифрах) 318.000, расходы—314.000 марок. Из них на общую агитацию затрачено 72.000 мар., на агитацию перед выборами — 36.000, на пособие — 12.000, издержки по судебным процессам и издержки заключенным в тюрьмы — около 8.000, жалование депутатам — 29.000, расходы по управлению — 16.000, пособия местным газетам — 67.000 марок. Главный орган партии («Vorwärts») имел 55.000 подписчиков и дал 80.000 марок чистой прибыли в кассу партии.

В небольшой заметке мы не можем перечислить все вопросы, которыми занимался конгресс. Наиболее важным был вопрос об отношении партии к деятельности Эдуарда Бернштейна. Этот бывший друг Фр. Энгельса, как известно, изменил своим старым взглядам и вот уже 4-ый год ведет кампанию в пользу пересмотра всех основных принципов соц.-демократии с целью превращения ее из революционной партии в «партию социальных реформ». На съезде в Ганновере 1899 г. партия решительно высказалась против идей Бернштейна и выразила намерение держаться прежней программы, но с тех пор Э. Бернштейн, живший в Англии, получил возможность вернуться на родину. Тогда же вокруг него сгруппировались все элементы, которые давно уже работают внутри партии в смысле «смягчения» ее революционного характера и сближения с буржуазной демократией. Постоянные нападки Бернштейна на социал-демократию, марксизм, нападки, с которыми он выступает перед буржуазной публикой, сделали его «своим» человеком для тех буржуазных политиков (особенно из партии «национал-социалистов»), которые, особенно за последние годы, ревностно стараются втереться в рабочее движение и овладеть пролетариатом, оттеснив революционную социал-демократию. Буржуазные газеты стали открыто провозглашать Бернштейна и его единомышленников спасителями общества, которые утихомирят пролетариат и поведут его по пути «мирного социального развития». Новоявленные друзья рабочего класса поставили на широкую ногу литературное издательство (журнал «Sozialistische Monatshefte» — «Социалистический Ежемесячник», — в котором участвуют Бернштейн, Фольмар, Гейне, Кальвер, Давид и другие «умеренные», наряду с национал-социалами. Кстати: заметим для русских товарищей, интересующихся немецкой литературой, что на съезде неоднократно было подчеркиваемо, что этот журнал не есть партийный орган) — и противопоставили его скудной денежными средствами рабочей социалистической печати. Появились самые недвусмысленные признаки того, что буржуазное течение в партии начинает поднимать голову. В печати и в политической деятельности отдельные члены партии позволяли себе самые грубые нарушения программы и компрометирующие партию заявления. В дебатах на съезде выяснилось, что центральный орган партии давал неверные сведения о французских делах, умалчивая обо всем, что невыгодно для изменника-министра Мильерана и его друзей-жоресистов; что в интересах Бернштейна он не решился сообщить читателям о прочитанном им в одном студенческом обществе реферате, в котором Бернштейн отрицает за социалистической теорией право на научность. Выяснилось, что во время выборов в парламент в Бранденбургской провинции один из видных бернштейнианцев (Пеус) издал воззвание к «либеральной буржуазии» и приглашал ее голосовать за себя; в доказательство своей «благонадежности» цитировал из национальной газеты похвальный отзыв о себе, мотивированный тем, что он, Пеус, всегда отстаивал «разумные» (для буржуазии) взгляды, что он не придавал значения социа-

лизму, а только «текущей» практической работе и т. д. Члены партии, заседающие в ландтаге герцогства Баденского, вопреки прямому решению партии, голосовали за государственный бюджет, т. е. одобрили расходы на войско, на тюрьмы, на тайную и явную полицию и т. д. Но этого мало. Они во главе с депутатом Фендрихом оправдывались тем, что они «приносили присягу» конституции, а потому не могут отказываться давать государству денежные средства. В громовой речи, произнесенной на съезде против баденцев, Бебель привел в доказательство проникшего в партию разврата такой невероятный факт: когда Роза Люксембург выступила в печати с резким осуждением поведения баденских депутатов, баденская социал-демократическая газета заявила, что пора, чтобы «свыше» вмешались и прекратили нападки Люксембург. Партийная газета требовала, чтобы заставили замолчать товарища! Дальше этого уже нельзя было пойти. Впрочем, на конгрессе дело пошло еще дальше, и депутат Гейне, нападая на Люксембург и Парвуса, не только «обругал» их евреями и русскими, которые не должны вмешиваться в «наши» немецкие дела, но и совершил по отношению к Парвусу акт, который Ледебур и Штадгаген, при одобрении большинства, должны были назвать «доносом».

Все эти печальные явления, гозорящие о том, что в партии растет направление, противное революционным принципам социал-демократии, вызвали в партии сильное раздражение против Бернштейна, как наиболее яркого представителя этого направления. Бернштейн получил возможность высказать лично перед товарищами свои взгляды и оправдать свое поведение. Несмотря на все его красноречие и на уверения, что он оказывает партии громадные услуги, критикуя ее программу, несмотря на то, что он уверял, что настанет время, когда партия будет гордиться его книгой (заявление это было встречено на съезде с смехом), несмотря на все это, партия взглянула на его поведение иначе и приняла громадным большинством голосов (203 против 31) резолюцию Бебеля, осуждавшую деятельность Бернштейна.

Вот текст резолюции: «Съезд признает безусловно необходимость самокритики для духовного развития нашей партии. Но крайне односторонний характер той критики, которой занимался тов. Бернштейн в последние годы, избегая критиковать буржуазное общество и его представителей, поставил Бернштейна в двусмысленное положение и возбудил недовольство большинства товарищей. В надежде, что тов. Бернштейн сознает это и соответственно изменит свое поведение, съезд переходит к очередным делам».

Несмотря на то, что громадное большинство партии, таким образом, признало, что новая деятельность Бернштейна приносит вред делу, он не вышел из партии, но заявил, что будет считаться с ее решением. Бернштейн давно уже утратил ту прямоту характера, которая обязывает человека, так решительно разошедшегося с партией, сказать ей: «насилуно мил не будешь» и уйти в тот лагерь, который так ценит его заслуги в борьбе против революционного социализма.

Общее впечатление, оставленное от съезда партии, таково: существование в партии сильного оппортунистического течения, стремящегося ослабить классовую борьбу пролетариата и идущего в разрез со всеми принципами революционного социализма, теперь не может подлежать сомнению. Рано или поздно перед революционно-пролетарскими элементами партии станет задача — разорвать с оппортунизмом. Только такой открытый разрыв радикально излечит великую германскую социал-демократию от заразившей ее болезни. Если принять во внимание, каких громадных жертв стоило германской социал-демократии создать теперешнюю ее могучую организацию, неудивительно станет, что она чрезвычайно дорожит своим единством и не спешит привести разгоревшуюся борьбу к неизбежному концу. До поры до времени партия довольствуется тем, что призывает к ответу отдельных чересчур зарвавшихся представителей оппортунизма и выражает им суровое порицание.

В одной из своих речей Бебель выразил надежду, что то благодушное настроение, которое создалось в партии, благодаря нескольким годам промышленного благополучия, теперь, с наступлением кризиса, исчезнет бесследно, и

станет невозможной та вера в «мирное, безболезненное» развитие общества, которое породило успех Фендрихов и Бернштейнов.

Так или нет, но германская социал-демократия рано или поздно справится с проникшим в нее оппортунизм. Мы, русские, у которых боевая рабочая партия только складывается, должны с самого начала не дать привить эту болезнь молодому организму. При наших политических условиях, при отсутствии той широкой гласности, которая позволяет германской партии развиваться совершенно нормально, мы сделали бы непростительную ошибку, если бы, рабски подражая немцам, вздумали, во имя только необходимости «объединения», начинать организацию с введения в нее таких элементов, которые способны лишь тащить назад рабочее движение и которые уже успели нанести русской социал-демократии большой вред.

*[Л. Мартов]*

## ИЗ ПАРТИИ

Во время стачки кожевников в Вильне между офицерами вызванных для «усмирения» войск была распространена 3 и 4 августа (в 175 экземплярах) соц.-демократической группой прокламация. Прокламация эта была доставлена всем офицерам четырех пехотных полков, большинству офицеров местной артиллерии, всем казачьим офицерам шести казачьих сотен, некоторым штабным и всем высшим чинам местной дивизии. Впечатление она, по словам корреспондента, произвела громадное. К сожалению, нельзя опубликовать подробности того, что происходило в лагере после ее распространения.

Приводим текст этой прокламации (изданной на гектографе), представляющей первый опыт социал-демократической агитации среди военных. Мы, с своей стороны, рекомендуем товарищам воспользоваться этим удавшимся опытом.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

### К ОФИЦЕРАМ.

В прошлую субботу, по требованию виленского губернатора, три батальона пехоты внезапно вызваны были в город и размещены в рабочих кварталах. Они поступили в распоряжение полиции и предназначены для подавления рабочих беспорядков... Три батальона, снабженных патронами, чтобы бить, колоть и стрелять безоружных рабочих!.. За что же? Для защиты чьих нарушенных интересов, чьих поправленных прав? Во имя какой правды?

Рабочие кожевников заводов на прошлой неделе, чувствуя, что они выбиваются из сил, решили сократить свой труд и заявили хозяевам, что впредь они будут работать лишь 12 часов. В течение нескольких дней они, не дожидаясь обычного гудка, в 6 час. вечера, вместо 7, бросали работу. Момент был выбран удобный: запасов товара не было, а спрос на него все увеличивался. Заводчики на собрании условились не уступать рабочим, так как, удовлетворив их справедливые требования, они посягнули бы на свой карман; в противном случае им угрожала стачка, а с нею громадные убытки, поэтому решено терроризировать рабочих, вызвав солдат. Губернатор, этот высший представитель правительства в крае, охотно согласился на их просьбу — и 1.000 человек солдат идет прекращать «рабочие беспорядки»...

1.000 солдат повели вы против их же отцов и братьев, против тысячи с небольшим безоружных рабочих, пытающихся на один час уменьшить свой каторжный, нищенски оплачиваемый труд! Какая славная, почтенная и высокая роль — состоять в распоряжении полиции, на посылках у заводчиков, на страже интересов их кармана! Роль эта в последнее время — увы! — все чаще и чаще выпадает на вашу долю, а в будущем грозит сделаться коронной ролью армии: рабочие сознали всю непримиримость их интересов с интересами хозяев, сознали, что их мозолистые руки создали все богатство, всю роскошь сытых, что их трудом оплачиваются рысаки и любовницы, содержится полиция,

жандармы, чиновничество и войско, что на их трупах построены эти громадные фабричные здания и роскошные дворцы, на свою же долю получили лишь нищенскую, полуголодную жизнь где-нибудь в подвале или на задворках, с правом умереть с голоду в безработицу и погрязать в дикости и невежестве; отделенные от орудий труда в длинном историческом процессе, они поняли, что своим трудом создают себе все новое и новое закрепощение капиталу, которому они должны продавать, чтобы жить, свой труд, единственное достояние, полученное ими по наследству. Эти новые цепи, сковывающие сильнее и сильнее, обрекают их на полное бесправие, грозят им и их детям вырождением. Они поняли все это и постигли весь ужас своего положения. В них проснулась потребность быть человеком, а не придатком к машине, и они объявили борьбу всему теперешнему общественному строю во имя интересов человека, его поправленных прав, высшей правды и справедливости. Рабочие сплываются, организуются, выставив на своем знамени требование свободы от гнета и насилия. Им еще не раз придется увидеть в своих кварталах штыки, а вам, офицерам, еще не раз, по примеру «славных фангорийцев», командовать «пли» вашим солдатам, видеть убитых, слышать стоны раненых, плач и проклятие их семей. Вы представляете ту общественную силу, которая подавляет рабочие требования; на вас опирается произвол, всякое издевательство над личностью; вашими штыками поддерживается вся неправда и — горькая ирония — вас, по роковому недоразумению, содержат те же рабочие своим потом и кровью, а ряды ваши пополняют своими сыновьями.

Мы обращаемся к вам, к вашему уму и сердцу, туда мы хотим пробить брешь, чтобы открыть вам глаза на весь позор вашего положения, на всю гнусность вашей роли — роли палача в руках полиции. Мы обращаемся особенно к тем, у которых казарменная муштра не выела окончательно всякую отзывчивость, не убила все, что есть святого в человеке, — его способность сочувствовать борющимся за справедливость. Мы обращаем ваше внимание на ненормальность существующих отношений, мы просим вас задуматься над совершающимися кругом вас событиями, и мы уверены, в какую сторону будут направлены ваши симпатии; прежде, чем послать залп в рабочих, вы вспомните, ради кого совершено будет это преступление...

Вильна, июль 1901 г.

Виленская социал-демократическая группа.

Летняя агитация Петербургского Комитета партии выразилась в ряде прокламаций, изданных в собственной типографии. Большинство прокламаций проникнуто революционным настроением и очень выгодно отличается от обычного типа петербургских воззваний. Темы прокламаций — политические, народное образование, свобода печати, система налогов. Особенно удачна прокламация, подписанная юлием-августом и изданная по поводу массовых арестов среди рабочих и интеллигенции. Впервые за несколько лет, когда петербургские товарищи избегали определенной постановки перед рабочими вопроса о самодержавии, в этой прокламации ясно сказано, что низвержение самодержавия является ближайшей задачей русского рабочего класса. Итак, и петербургские «практики» ныне подтверждают, что та политическая программа, которую отстаивали так называемые «теоретики» русской социал-демократии, достаточно «практична», чтобы теперь же стать предметом повседневной агитации. Факт этот весьма отраден, и нам хотелось бы верить, что этот новый поворот в настроении петербургского «Союза Борьбы» будет достаточно устойчивым, чтобы позволить этой бесспорно самой сильной из местных организаций играть ту роль в общем движении, которой мы все вправе от нее ожидать.

Ответ Спб. Комитету. В ном. 12 «Рабочей Мысли» Спб. Комитет («Союз Борьбы») поместил возражение на заметку в ном. 1 «Искры» о расколе заграничного «Со-

юза русских социал-демократов». К сожалению, это возражение старательно обходит самое существо спорного вопроса: при такой системе полемика никогда не приводит к выяснению дела. Мы настаивали и настаиваем на том, что в заграничном «Союзе русских социал-демократов» произошел именно раскол, что союз распался на две части после того, как на съезде 1900 г. удалилось значительное меньшинство членов и в том числе гр. «Осв. Труда», основавшая Союз и бывшая прежде редактором всех его изданий. После раскола ни одна из частей не может занимать то место, которое занимал старый Союз в целом виде. Спб. Комитет не пытается опровергнуть этого мнения, говоря (неизвестно почему) об одном Плеханове, а не об организации «Социал-Демократ» и давая только косвенно понять читателю, что «Спб. Союз Борьбы» отрицает, повидимому, факт раскола и продолжает считать одну из частей бывшего союза за все целое.

К чему вступать в полемику, если нет желания разобратъ по существу мнение противника и прямо высказать свое собственное?

Далее. Мы настаивали и настаиваем на том, что основной причиной (не поводом, а причиной) раскола послужило принципиальное разногласие, именно: расхождение между революционной и оппортунистической социал-демократией. Уже по одному этому, между прочим, нельзя смотреть на происшедшее в заграничном «Союзе русских социал-демократов» иначе, как на раскол старого Союза. Спрашивается: как смотрит на этот вопрос Спб. Комитет? Решается ли он отрицать существование глубокой принципиальной розни между обеими частями бывшего Союза? Неизвестно, ибо Спб. Комитет ухитрился написать «возражение», не сказав ни единого словечка об этом основном вопросе. И мы еще раз спрашиваем петербургских, да и не одних только петербургских, товарищей: не грозит ли полемика, обходящая суть дела, вырождаться в самую неприятную перебранку? Стоит ли вообще начинать полемику, если нет желания или если признается несвоевременным разобратъ вопрос по существу и высказать свое мнение с полной определенностью и без всяких недомолвок?

**Заграничные дела.** Заграничный отд организации «Искры» объединился с заграничной революционной организацией «Социал-Демократ» в одну организацию: «Заграничную лигу революционной русской социал-демократии». Новая организация, как видно из изданного ею заявления, намерена приступить к изданию ряда брошюр пропагандистского и агитационного характера. Лига является заграничным представителем «Искры». Таким образом, заграничная организация революционных социал-демократов, руководимая группой «Освобождение Труда», окончательно объединилась с организацией, группирующейся около нашей газеты. Как и прежде, группа «Осв. Труда» принимает ближайшее редакционное участие в ведении наших изданий.

Объединение русских революционных социал-демократических организаций за границей совершилось после того, как потерпела неудачу попытка этих организаций соединиться с «Союзом русских социал-демократов за границей» (издающим «Рабочее Дело»). В начале лета конференция из представителей всех трех организаций выработала проект соглашения между ними. В основу соглашения положен был ряд принципиальных резолюций, содержащих в себе полный отказ «Союза» от заигрываний с экономизмом и бернштейнианством и признание принципов революционной социал-демократии. Можно было надеяться, что объединение состоится, ибо до сих пор только принципиальная неустойчивость «Союза» и его органа — «Раб. Дело» — стояла на пути к сближению. Эта надежда не оправдалась: вышедший недавно ном. 10 «Раб. Дела» содержал в себе редакционные статьи, напавленные прямо против тех резолюций, которые были выработаны при участии делегатов от «Союза» на конференции. Очевидно, «Союз» опять повернул в сторону правого крыла нашего движения. Действительно на съезде всех трех организаций «Союз» внес такие «поправки» к упо-

мянутым резолюциям, которые явно показывали, что он возвращается к своим прежним заблуждениям. Остальным организациям пришлось покинуть съезд, что они и сделали. Очевидно, для наших товарищей из «Союза» все еще недостаточно выяснилась опасность занимаемой их организацией промежуточной позиции между революционным социализмом и играющим в руки либералов оппортунизмом. Мы надеемся, что время и горький опыт убедят их в ошибочности их тактики. Замечающееся повсюду в партии стремление работать не только над развитием нашего движения вширь, но и над его качественным подъемом служит нам лучшей порукой в том, что столь желанное объединение всех наших сил совершится под тем знаменем революционной социал-демократии, которому служит наша газета.

## ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

**Кишинев.** По поводу демонстрации 11 сентября здесь арестованы: Гельман (поднадзорный), Каминский (секретарь благотворительного общества), Пржеславский, Эндрожиевский, Вассер, Нина Глоба, Полина Шрифтейлик (поднадзорная), г-жа Ханжи, Р. Барч (поднадзорная), две сестры Фукельман (заграничные студентки), Кубиркина, два брата Мичник (заграничные студенты), Савицкий, Кричанеско, Эфруси.

**Козлов.** В начале сентября были обыски и аресты. Взята типография. Арестованы два брата Авдеевых, студент Надекрн, Лешковский, рабочий Зыков, дантист Маян.

**Тамбов** (по козловск. делу). Взяты Захарьевский и Гаврилов.

**Воронеж.** В конце августа арестованы 2 ученика фельдшерской школы: Струц и Поставной (сидят в Полтаве).

**Ярославль.** По здешнему делу января 1901 г. приговоры: Доливо-Добровольскому 3 года Оренбургской губ., Ярославцеву 3 года Вятской губ., гимназисту Василию Носкову и учителю Бабенко 2 года надзора, Ивану Короткову (рабочему) 1 год тюремного заключения, Федору Семеху 10 м. тюремного заключения.

**С.-Петербург.** По делу об обуховских беспорядках суд вынес приговор: двое на каторгу, 8—оправданы, все остальные — в арестантские роты на срок от 3 до 5 лет. В больнице Николая Чудотворца в июле умер Даниил Колотов, арестованный 27 апреля 1900 г., просидел в Д. П. З. более года, и заболел душевным расстройством.

**Москва.** Арестованы в октябре: Лев Львович Никифоров, пом. прис. пов. Шандер, Иос. Давыдов (литер.), А. А. Рейнгольд (его сестра), Кунаев, Скворцов, Петров (инж. гор. управы), Руднев, П. Луначарский выслан в Тульскую г. В сентябре арестован Шмурло; были аресты среди студ. поляков.

**Кострома.** В дополнение к помещенному в ном. 7 списку приговоренных по делу 1900 г. сообщаем о след. приговорах: Николай Плугин (портной) — 3 года Вятской губ., Григорий Луков (портной) — 1 год Саратовской губ., Алексей Собаинский (сапожник) — 2 года Вятской губ.; Константин Онучин (раб.) — 2 м. тюрьмы и 2 года Вятской губ., Николай Белов (раб.) — 3 м. тюрьмы, статистик Третьяков — 2 года Астраханской губ.

**Ив.-Вознесенск.** Здесь арестовано 10 рабочих за чтение прокламаций.

**Одесса.** В тюрьме сидит до ста рабочих без денег, без необходимой одежды. Семьи голодают. Арестованные рабочие получают в тюрьме только раз в день борщ (мясо дают через день). Борщ настолько плох, что рабо-

чие не могут его есть, их тошнит. Иные сидят босые. Неужели одесское «образованное» общество не может организовать помощь жертвам политической борьбы?

Товарищи нам сообщают, что имя доктора, издававшегося над ссыльным Гуревичем (см. ном. 8 «Искры», корреспонденция «Из Сибири»), Марчевский, кончил Варшавский университет.

Нас просят напечатать предостережение относительно московского шпиона Игнатия Никитича Зеленова. Высокий, здоровенный парень, лицо красное, блондин. Знакомаясь, любит говорить об астрономии. В прошлом году для приобретения «интеллигентности» брал уроки у студента. Разъезжает иногда по провинциальным городам.

## МАССОВАЯ РАСПРАВА С ВРАГАМИ ПОРЯДКА.

Секретный документ.

М. В. Д.

Совершенно секретно.

Деп. Полиции по 3 делу.

20 июня 1901 г.

Циркулярно.

№ 6234.

Гг. губернаторам, градоначальникам, Обер-Полицейстерам и Начальникам Губер. Жандармских Управлений.

Производившиеся за последнее время наблюдения по С.-Петербургу за лицами, занимавшимися революционной деятельностью, установили группу лиц, преимущественно интеллигентных профессий, которые, не принимая непосредственного участия и даже намеренно устранившись от активной революционной деятельности, поставили себе задачей путем устройства вечеринок, чтения речей и рефератов на соответствующие темы, а также издательства систематически подобранной тенденциозной литературы, готовить в среде молодежи и рабочих противоправительственных деятелей и агитаторов. Лица означенной группы не упускали ни одного случая для возбуждения в обществе неудовольствия по поводу разных мероприятий правительства и подготовки всевозможных манифестаций и протестов, причем особенно вредно влияли в этом направлении на учащуюся молодежь.

В виду сего признано было соответственным в апреле с. г. произвести обыски и аресты среди означенной группы лиц, примыкающих к наиболее противоправительственному настроенным элементам общества. Сообразно полученным результатам, часть этих лиц ныне привлечена к дознанию при Спб. Жандармском Управлении, в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд., обстоятельства же дела об остальных лицах рассмотрены в Особом Совещании, образованном на основании ст. 34 Положения об охране, причем многие, согласно утвержденных мною постановлений означенного Совещания, подлежат высылке из Спб., с воспрещением им жительства в столицах, столичных губерниях, университетских городах и фабричных местностях, сроком от 2 до 3 лет, соответственно степени виновности каждого, с подчинением одних гласному, других негласному надзору полиции.

Принимая во внимание, что вышеупомянутые лица, по прибытии в ныне избранные ими места жительства, могут продолжать свою противоправительственную деятельность в указанном направлении и группировать вокруг себя местные неблагонадежные элементы, я покорнейше прошу Вас Мил. Гос. в случае появления поименованных в прилагаемом при сем списке лиц в пределах вверенного Вам района, сделать распоряжение об установлении, помимо учрежденного над ними гласного или негласного надзора, тщательного негласного наблюдения за дальнейшей их деятельностью и поведением, дабы иметь возможность своевременно воспрепятствовать возможности продолжения ими преступ-

ной пропаганды и образования новых кружков нежелательного направления.

О всем замеченном благоволите немедленно сообщить в Департамент Полиции.

Подписал: Мин. Вн. Дел егермейстер Сипягин.

Скрепил: директор Зволянский.

Следует список пятидесяти семи лиц, а именно:

Под гласный надзор полиции вне университетских городов и фабр. местностей отданы: на 3 года А. М. Калмыкова; на два года: литерат. В. Ф. Тотомианц, Н. А. Рубакин, В. А. Ионов, Г. А. Фальборк и В. И. Черноусский и дворянин В. П. Арцыбушев (последнему воспрещено также жительство в Саратове). Воспрещено жительство в столицах и некот. местн.: на 3 г. в столицах, столичных, губ. университет. город. и фабр. местн.: Никонову (помощник присяжного поверен., литер.), М. Е. Ермолаеву (ред. изд. «Жизни»), М. Ю. Гольдштейн (литер., прив.-доц. и статск. советн.), Пантелееву (книгоиздатель), В. Поссе (лит.), М. Филиппову (лит.); на два года в тех же местах: В. П. Воронцову (лит.), Е. А. Ганейзеру (лит.), В. Л. Глинке (лит., прис. пов.), Г. А. Заславскому (студ. инстит. пут. сооб.), М. П. Иолшину (пом. прис. пов.), Караваеву (пом. бухгалтера тамож. сборов), В. Ф. Кожевниковой (фельдшер.), Е. П. Кранихфельду (литер.), Кулябко-Корецкому (секрет. В.-Эконом. Общ.), П. Лесгафту (профессор), В. Лесевичу (лит.), Лосицкому (лит., ред. стат. отд. гор. управы), Маслоу (лит.), Н. Е. Михайловскому (Гарину, лит., инж.), Мунблиту (врач), Пантелеевой, А. В. Пешехонову (лит.), В. Святловскому (лит., секр. В.-Эк. Общ.); на два года в столицах и университетских городах: К. Д. Бальмонту (лит.), А. А. Корнилову (бывш. чин. особ. поруч. при иркутском ген.-губ.), В. Я. Муринову (лит.), Муриновой (его жена), Родичеву (прис. пов.); на два года в столицах: Е. Чирикову (лит.), Штейнбергу (лит.), Смидовичу (Вересаев, лит., врач); на два года в фабричных местностях: З. Френкелю (лит., врач) и М. Л. Хейсину (врач); на два года в столицах и Петерб. губ.: Н. Ф. Анненскому (лит., председ. 3-го отд. В.-Экон. Общ.); на один год в университетских городах и фабр. местностях: И. Т. Зябичкому (инж.-техн., директ. завода); в университетских городах, Риге и Ярославле: Томилину (студ. петерб. универс.); в столицах и Петерб. губ.: П. С. Анненкову (дворян.), В. А. Анзилинову (дворян.), Ракитину (инж.-техн.); и в столицах: К. Б. Гренгагену (капит. запаса), К. И. Диксону (пот. поч. гражд.), Охромченко (слух. высш. женск. курсов), Л. Рубакиной (жена литер.), Румянцевой (учительница), Рядченко (бывш. студ. техн. института), Соколову (сотрудн. «Бирж. Вед.»), Славинскому (лит.), Эйнерман (жена чиновника), В. Яроцкому (врач).

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Группе «украинских робітников». Вы просите редакцию, чтобы при выработке проекта программы не были забыты «интересы многомиллионного и наиболее культурного» украинского народа. Проект программы партии не может вовсе затрагивать практического вопроса о том, на каком языке следует вести агитацию в той или другой местности. Это дело местных групп. Далее, вы нам предлагаете издавать для малороссийских крестьян и рабочих брошюры на украинском языке, которые вы «сочтете честию» распространять. В виду ограниченности наших средств и необходимости посвятить все силы выработке общей литературы, мы предлагаем вам обратное разделение труда: если бы вы взяли издавать по-украински наши брошюры и статьи, мы могли бы содействовать их распространению в Малороссии.

В кассу «Искры» поступило:

40 фр. от «инженера», 21 фр. с реферата в Цюрихе, 39 фр. за литературу от Кольцова, 150 мар. из М.-а. Через южную организацию: из далека от А — 100 руб.



Из Б-ни 200 руб., из Волжской столицы за литературу 50 руб., из далека: Бел. 50 р., Як. 10 р., С. А. А. 10 р., М. М. и Е. К. 20 р., М-ий 50 р., от Х. 200 р., через Кольцова 100 фр., от К. Р. через Кольцова 75 р., через Б-скую группу: Г. Р. И. 21 мар., из Волжской столицы 30 м., от кружка в Б. 100 м., от Ека 23 м., от Ф. О. Д. из Л. 70 м. и 30 м., от Эта 2 м. и 3 м., от А-ак 14 м. Из Вятки через Л. 100 р., от моск. представителя за август: за литературу из Москвы 25 р. 25 к., за литер. из Саратова 50 р., за литературу из Нижнего 31 р., пожертвования от детей из В. 40 р., от Н 2 р. От группы сормовских раб. 5 р. 60 к. Подписка на «Искру» 116 р., от Б. через М. 125 р. Южно-русской группой содействия передано по сентябрь 507 р. 44 к. Б-ской группой заграничного отдела собрано с 1 июня по 1 октября 1.114 мар. 68 пф.

#### ОПЕЧАТКИ<sup>1)</sup>.

В ном. 8 «Искры», в статье «Царский каба́к», стр. 1, столбец 3, стр. 39 снизу, вместо этой г., следует Самарской губ.

| В «Иллюстрированном Приложении к „Искре“» в стихотворении | напечатано | следует |
|---|------------|---------|
| стр. 1, строка 8  | мешок      | сундук  |
| 1, «  | 9 тюрьма   | тюрьмы  |
| 2, «  | 9 тюрьма   | тюрьмы  |

По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штуттгарте:

Verl. J. N. W. DIETZ Nachfolger, STUTT GART

для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все, получаемое ею для «Искры».

Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, на внешнем конверте писать только адрес Дитца; указание же о передаче (для ред. «Зари») должно делаться на внутреннем конверте.

Типография «Искры».

#### ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Так называемые «временные правила по продовольственному делу», изданные 12 июня 1900 г. (для 46 губ.), возлагают заведывание прод. делом на крестьянские учреждения с земским начальником во главе. На обязанности земств остались лишь продажа хлеба по заготовительной цене, обеспечение прокормом крестьянского скота, устройство общественных работ и заведывание продовольственными капиталами. Несмотря на всю свою непригодность, эти правила пережили даже революцию 1905 года.

Прим. 2. «Независимая Еврейская Рабочая Партия» сложилась из элементов, обработанных Зубатовым, который сообщал другому охраннику, Ратаеву, об успехах своей пропаганды, характеризуя полную противоположность понятий о рабочем движении и социал-демократическом. «Там целью является копейка, — писал он, — здесь — идеологическая теория». Весь расчет его провокационной политики в рабочей среде был основан на том предположении, что рабочего очень легко будет отвлечь от социал-демократии («революционной теории») заманчивыми перспективами улучшения своего положения на почве доверяющей царизму экономической борьбы. В Минске слепым орудием в его руках оказались спровоцированные им Мария Вильбушевич, Волин, Гольдберг, Черемисский и др., выпустившие манифест и программу «Еврейской Независимой Рабочей Партии». Независимцы, пользуясь своей близостью к жандарму Васильеву, успели развалить Бунд. Независимая Партия просуществовала в Минске до 1903 г. (Подробности об этой партии см. в журнале «Красная Летопись» № 2—3, Петербург, 1922 г.).

Прим. 3. В плехановском «Vademecum'e» напечатана статья NN — С. Прокоповича (единомышленник Кусковой, автора известного под именем «Credo» наброска взглядов «молодых» с.-д-ов в 1899 г.): «Ответ на брошюру Аксельрода: „К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов“». В этой статье заложены главные основы «экономизма», покоящиеся на той мысли, что «история делается массами, поэтому сознание только масс является историческим фактором». А сознание рабочего — «не тесто, лепить из которого „мы“ (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобию. „Мы“ и „наши“ усилия могут только дополнить то, чему учит рабочего жизнь».

Прим. 4. Некоторые подробности о В. С. Арефьеве (главным образом из периода его ссылки в Сибири) см. в книге П. Лепшинского «На повороте».

Прим. 5. Родзянко, М. В., крупный помещик Екатеринославской губ., оказался впоследствии на высоте своего призвания в качестве председателя черносотенной IV Государственной Думы. После Февральской революции делает попытку спасти монархию, становится во главе (председателем) Исполнительного Комитета членов Государственной Думы, является одним из деятельных организаторов контр-революционного движения после июльских дней и затем, после Октябрьского переворота, эмигрирует за границу, где и работает все время в интересах белогвардейской контр-революции.

Прим. 6. Крушеван, П. А., крайний черносотенец, редактор Кишиневской газеты «Бессарабец», приобрел особенно позорную известность в качестве вдохновителя кишиневского погрома в 1902 г. В 1907 г., став во главе кишиневского отдела союза истинно-русских людей, был избран депутатом во II Госуд. Думу.

Прим. 7. Подробности о неудачной попытке объединения искровцев с рабочедельцами летом 1901 г. можно найти в статье т. Стеклова «В ссылке и в эмиграции» («Пролетарская Революция», № 5 [17], 1923 г.).

<sup>1)</sup> Приводимые ниже «опечатки» оригинала, в тексте настоящего издания исправлены. *Ред.*



## В ЗАЩИТУ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИХ РАБОЧИХ.

Где же тут справедливость?  
Обижаете вы нас.  
Неба грозная немилость  
Посетит за это вас!..

Фабричное стихотворение, при-  
водимое в статье Дадонова, стр. 66.

Трудно нашему брату рабочему живется на фабриках и заводах; много приходится переносить разных выжиманий, выколачиваний, угроз: разного рода притеснения процветают всюду, всюду прижимки и штрафы, а заработки плохи, и мало ли что еще делается против нас! И хотя это ведется на фабриках с начала их основания, но привыкнуть к этому мы не можем и ведем против упомянутых зол борьбу и в этой борьбе надеемся остаться победителями. Хорошо прижимают нас капиталисты-хозяева, но хуже еще преследует правительство. А разные длинноволосые попы стараются втолковать нам рабскую покорность и фарисейски упрекают в пьянстве и т. п. безнравственностях. Конечно, мы ко всему этому давно привыкли и знаем всему этому цену: «собака лает»; так, по крайности, говорит русская пословица. Но все же горько становится, когда лучшие в России журналы ополчаются против нас же, рабочих. Где же тут справедливость? Это как будто значит, не только капиталисты и правительство, но и всякие либеральные органы, как «Русское Богатство», по крайней мере, г. Дадонов, не наши доброжелатели? Не утверждаем, но знак вопроса поставить имеем основание. Мы не забываем, конечно, а твердо помним, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих» (Ман. Комму. Партии).

Итак, «Русское Богатство» поместило статью г. Дадонова «Русский Манчестер» (декабрь 1900 г.), в которой г. Дадонов обвиняет нас в пьянстве, равнодушии к знанию и т. д. Обвинения, можно сказать, очень существенные, и мы никак не могли их оставить без ответа. Конечно, если бы это было несколько лет тому назад, то тогда мы не имели бы возможность отвечать, ибо то же «Рус. Бог.» не приняло бы возражения от рабочего, а тем более в настоящем его положении. Но времена те, пожалуй, совсем миновали, и мы постараемся несколько отучить тыканье в нас пальцем.

Мне припоминается теперь один ответ учительницы ученикам в вечерней воскресной школе. Как-то речь коснулась слова «либерал», и вот, объясняя это слово, учительница старалась поднять на известную высоту личность либерала и показать ее с хорошей стороны. Тут были и просвещение, и гуманность, и законность, и полная свобода, и много других хороших качеств, которыми обладает личность «либерала». Слушая в числе прочих учеников это перечисление, я тотчас же вспомнил из газет, что за границей либералы очень часто (может всегда?) действуют против социалистов. И вот после этого я долго не мог хорошо переварить этого: все хорошие качества, с одной стороны, противник для нас, стремящихся к счастью всех, с другой. Но это мимоходом.

Постараемся ответить г. Дадонову в порядке упомянутых обвинений и оправдать, насколько возможно, наши поступки.

Г. Дадонов говорит, что «главную статью расходов составляет одежда и водка. На то и другое в отдельности тратится от 30 до 70 руб. в год», и это расход «рабочих с годовым заработком от 100 до 200 руб. в год». Это значит, что рабочий, получающий 100 руб. в год, тратит на водку и одежду 60 руб., т. е. весь год рабочий должен за 3 руб. 33 коп. в месяц иметь харчи, баранки, чай, квартиру, табак, баню, стирку и еще послать в деревню. Ой, ой, какую чепуху говорит г. Дадонов!

Если рабочий тратит на водку 30 руб. в год, то на эти деньги он может купить в месяц пять бутылок водки. Выходит, г. Дадонов, что рабочий, питающийся хлебом, картофелем, гречневой кашей, выпивает в сутки меньше  $\frac{1}{100}$  ведра. И за это вы осмеливаетесь нам кликнуть: «пьяницы»! Не слишком ли через край хватили?! Допустить, что рабочий прогуляет 1 рубль в воскресенье невозможно, это было бы 52 руб. в год, да ведь еще есть, кроме воскресных дней, годовые праздники. Правда, на годовые праздники покупается водка в большом количестве, но сюда-то и уходит большая часть суммы, расходуемой на водку, и если в пасху или рождество рабочий позволит себе выпить лишнее, то отсюда делать заключение, что он пьяница, очень недальновидно. Нужно помнить и то, что рабочий, питающийся чаем, хлебом и картофелем, бывает слаб на ногах от одной рюмки, особенно если он мало работает здоровой физической работой.

Пойдем дальше. В среднем, рабочий, проживающий в артели, тратит на харчи 4 р. 50 к. в месяц, на приварок, чай, сахар, баранки выйдет не меньше 1 руб. Итого в год 66 руб. только на пропитание. Выходит, что для человека, зарабатывающего не 100 р., а даже 125 р., нет возможности тратить на водку и одежду 60 руб. Опять выходит, что г. Дадонов сказал чепуху.

Возьмем бюджет женатого ткача, как лучше оплачиваемого. Ткач зарабатывает от 150 до 180 руб. в год. Берем умеренные расходы: квартира, харчи и чай — 90 руб. в год, на водку, по предположению г. Дадонова, 30 р., на одежду, по его же предположению, 30 р., табак 5 р., вот уже 161 р., но ведь есть еще расходы: выслать родным, баня, болезнь, непредвиденные расходы, — а у нас уже есть недостаток, откуда же взять? Однако, приходится сокращать «главный расход». Но, оказывается, сокращать бюджет на одежду не особенно удобно. В год на обувь, будет ли это штиблеты или сапоги, все равно, — 7 руб. не меньше; предположим, что рабочий справит два пальто в два года, зимнее и летнее — 25 руб., в год 12 р. 50 к., какой-нибудь пиджак в 4 р., на работе порвется разного платья на 2 р., итого 25 р. 50 к., а ведь нужно еще купить «триковые штаны», картуз, шапку, иногда жилет, рубашки, кальсоны, оказывается недостаток. Откуда взять, г. Дадонов? А если у женатого, да еще есть дети, то прохарчуется он на 4—6 р., как думаете, г. Дадонов? Не придется ли ему тогда кое-что купить для ребят: рубашенку и кое-что другое? Не будет ли он принужден лишнее платить за квартиру? Как видели, к бюджету на одежду скорее придется прибавить, а не убавить, но все прибавки приходится брать из бюджета на водку, и последний все делается меньше и меньше. Теперь, если взять рабочего, который зарабатывает 8 р. (есть и меньше заработка—в 6—7 руб.), то насколько применима сумма (наименьшая), вы-

ставленная г. Дадоновым, на водку и одежду, видно из того, что он должен был бы прожить на 3 руб. в месяц, из которых должен уплатить за харчи, квартиру, табак, выслать в деревню и т. п. и т. п. Думать или утверждать это может человек, у которого голова не в порядке, а такие люди не должны заниматься литературой! Г. Дадонов говорит: «что касается заработков, то они колеблются от 8 до 100 р. в месяц». Вот так определил! Уж не на Великом ли океане стоит Иваново-Вознесенск, что там такое колебание? Это такое же определение, как если я скажу, что интеллигентные люди получают от 25 до 2.500 р. в месяц и, хотя это верно, — ведь многие получают по 25 руб. и есть директора, получающие 30.000 и более в год, но это не определение, а чепуха! «Если не вершок, то сажень», такова точность г. Дадонова. Если и бывают люди, которые все, что зарабатывают, несут в кабак, то такие личности больные и очень мало работают, их не держат на фабриках, а человек, зарабатывающий 100 р. в месяц, живет при других нескольких условиях и за квартиру платит не «1 рубль с хозяйским приварком», а несравненно больше проживает, и одинаково тратит очень много денег на то, что г. Дадонов строго осуждает. Для иллюстрации позволю себе привести пример. Мне пришлось работать с иностранцем, который на работе выпивал ежедневно по две бутылки пива; это стоит 30 к., а в год 108 р. Это расход только на пиво. Цифра очень внушительная для нас, русских рабочих, а для г. Дадонова и того больше! И все же никто не думал из администрации (иностранцы) делать заключение, что уважаемый у них работник пропивает много денег.

Г. Дадонов, утверждающий, что пьянство введено в систему, сделал такое заключение на основании показаний общества трезвости. Конечно, мы, рабочие, отлично знаем, что из себя представляют многие общества трезвости и что они будут представлять, благодаря их официальному положению при введении новой системы, т. е. когда царь-батюшка захотел быть кабатчиком, а министр Витте целовальником; достаточно упомянуть исключение графа Толстого из почетных членов московского общества трезвости. Пусть простят мне гг. культурники, — но не нужно быть пророком, чтобы утверждать, что не им суждено быть руководителями названных обществ, а займут эти места разные чиновники и батюшки. «Искра» надеется вскоре познакомить читателей с одним трезвенным обществом, которое усиленно искореняет пьянство... Совершенно верно, г. Дадонов, «могарычи» существуют, и существуют не только в Иваново-Вознесенске, но и в Петербурге, Москве, на юге и почти по всей России. И это есть зло, с которым уже ведется борьба каждым культурным рабочим, но мы не можем согласиться, что это является «одним из страшных зол фабричной жизни», хотя бы потому, что, если поступивший ткач приглашает человек 10—15 и покупает им  $\frac{1}{4}$  ведра водки, то смешно думать, якобы он этим заставляет их пьянствовать, а не просто выпить после работы и поздравить его с поступлением. И ведь это происходит не ежедневно на фабрике и притом на такие «могарычи» удается попасть 1—3 раза в год. И уж поистине «не так страшен черт, как его малюют» общества трезвости и г. Дадонов. Мы же позволим задать вопрос: почему у нас упомянутые «могарычи» есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему» или «являются одним из страшных зол фабричной жизни», а у таких культурных личностей, как даже у литераторов, разные юбилеи, обеды, чествования, где выпивается вина и водки уже во всяком случае не меньше на человека, чем на любых «могарычах», почему спрашиваем, это не есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему», а, г. Дадонов? Почему, когда их высочество «выпил бокал за здравие», дальше «провозгласил тост», «ответил здравицей», дальше «выпил за князя» и так без конца, пока от разных «здравий, бокалов, тостов» не напьются до осатанения, почему, г. Дадонов, это не есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему» и не есть «одно из самых страшных зол жизни» высших образованных классов? Вот, например, министр Сипягин, об'езжая это лето, всюду принимал предлагаемые обеды и был пьян хуже сапожника (извиняюсь перед товарищами за такую фразу), а что это верно, то рабочие видели, как он с морозовского обеда выходил «еле можахом», а приезжалто, по простому выражению рабочих, «за брюками». И раз-

ве, г. Дадонов, все вышесказанное не развивает «поголовное массовое пьянство»? Еще раз: почему наши «могарычи» есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему», а все вышесказанное остальное нет? Мы знаем почему и не будем умалчивать об этом. Разница, г. Дадонов, вся в том, что вы, литераторы, а тем паче разные превосходительства, высочества и т. п. трезвенники, пьете в хороших ресторанах, клубах, квартирах, дворцах, а мы, бедный народ, на задворках, за подворотней буквально и в лучшем случае летом на тощей травке с такого же тощего качества закуской и если выпьем, то особой своей не можем хвалиться, мы тогда бледны, слабы. А видали ли вы пьяного г. Сипягина? Он трезвый выглядит точно большой медный куб, а пьяный еще краснее становится (кстати, советуем ему пить меньше, дабы не сгореть от спирта, подобно бывшему екатеринославскому губернатору ген. Келлеру). Но если мы пьем на задворках, то это не дает вам права называть нас пьяницами, а других трезвенниками! Когда читаешь газеты, то видишь одно и то же: в каждом номере пестрит здравица, бокал, тост и т. п. Всю жизнь люди проводят с поднятым бокалом в руке, гг. же литераторы стараются умиляться, описывая благородные выпивки. Эх, гг. литераторы, что может быть позорнее этого?! Поневолле напрашивается вопрос: где же общества трезвости? Где г. Дадонов? Где его наблюдательность? И почему он не скажет: «и почти ничего не развила из себя» образованность? Чего же они в самом деле молчат? Очень просто, они боятся, чтобы им кузькину мать не показали, а потому молчат про указанное пьянство. Другое дело — рабочие; про них все можно говорить; рабочий связан, а потому почему же не полойти к нему и не плюнуть ему в харю? И вот ополчаются разные общества трезвости, а за ними и гг. Дадоновы.

С пьянством покончили, но с г. Дадоновым еще нет. Относительно того, что приходится встречать у некоторых рабочих триковые штаны, то в этом мы ничего, кроме хорошего, видеть не можем. И в самом деле, что тут удивительного, если, живя в городе, рабочий износит то, в чем ходил в деревне, и теперь покупает городскую одежду? Неужели г. Дадонов признает городской костюм ненужным для крестьян и оставит навсегда деревенский костюм для народа? Если да, то это значит за одно признавать желательным оставление в деревнях черных изб. Я не думаю в данном случае возводить на г. Дадонова обвинение в осмеивании костюма, а подчеркнул то, что желательнее из двух предположений. Очень давно уважаемый нами Плеханов говорил про рабочих («Русский рабочий в революционном движении»), что они часто выгодно отличаются в смысле костюма от интеллигенции (к сожалению сейчас не имею под руками названной книги и не могу процитировать слова уважаемого автора). Во всяком случае, лучше пусть будет излишняя щеголеватость в костюме, нежели небрежность.

Квартирный вопрос, правда, поставлен у нас слишком скверно, чтобы его хвалить или защищать не только в разбираемом нами городе, но и во всей России. И рабочие, живущие в таких тесных квартирах, настолько свыклись с ними, что вызывают чувства возмущения у сколько-нибудь культурных рабочих. Свыкшись, они признают лучшим для себя жить в них, нежели поселиться вдвоем или троим в одной комнате. Обыкновенно говорят они в таких случаях, что в артели веселее, а там сиди в комнате вдвоем или троим, как в тюрьме. К этому десятками лет приучало и вырастило житье в таких условиях, а пришедшие из деревни ни о чем не думают в первое время, кроме несчастной высылки 2—3 руб. в деревню, и потому готовы еще ухудшить эти условия. Выросши в таких условиях, масса не может переносить одиночества, смотрит на это подчас, как на наказание. Психология та же, какую описал г. Мельшин в своем замечательном труде: «Из мира отверженных», где культурный человек не переносит жизни в общих камерах и считает это пыткой, где избавлением ему служит одиночная камера. Но там же для человека совершенно темного (некультурного) та же одиночная камера будет служить обратно наказанием, тогда как общая удовлетворит его. В Иваново-Вознесенске всякий, сколько-нибудь культурный рабочий старается жить отдельно, и если многие живут в артелях, то также многие живут по отдельным комнатам или два семейства в комнате, а потому

наблюдательный г. Дадонов мог бы встретить там и кровати в комнатах.

Поистине наблюдательность г. Дадонова удивительная. Он не то, что крыловский герой, — слона не приметил, о нет! Г. Дадонов, как приехал в Иваново-Вознесенск к фабрикам, так сразу и заметил котловину, да еще какую! в которой все фабрики поместились: вот какая наблюдательность г. Дадонова! Обернувшись кругом, он очень многое подметил, и потому стал понемногу повертываться к котловине, подобно крыльям ветряной мельницы: сверху вниз, сверху вниз, снизу вверх, снизу вверх. Тут были подмечены и фабриканты и администрация, и городское хозяйство и т. п., но мы об этих подмечаниях умолчим и скажем только относительно подмечания нас, рабочих. И вот, повернувшись немного, видит, что «пьянство до некоторой степени введено в систему», еще повернувшись, видит: укладываются спать, да так плотно один к другому, словно астраханские селедки в бочке, и стараются, чтобы голова одного приходилась у ног другого; еще повернувшись немного, он увидел рабочих (всех), у которых нет ни малейшего желания что-нибудь почитать и никакого стремления к знанию; еще повернувшись, смотрит: «распивают штоф водки», еще: «полицейский надзиратель разбирает какое-то дело», и от дела остался изодранный кафтан; еще повернувшись, видит пустой театр, хоровод, слоняющуюся публику, и нигде ни одной книги, и потом еще чуть повернулся, смотрит: железная дорога, а там вдалеке и «Русское Богатство». И хотя наблюдательность была очень зорка, но одного г. Дадонов не подметил и не удостоил начертать на страницах «Русского Богатства». И признаемся, картина вышла неполная, а ведь всего-то недоставало нескольких слов, которых мы в праве были ожидать от наблюдательного г. Дадонова. И правда, что бы ему сказать: «И несомненно, что рабочие Иваново-Вознесенска очень ленивы». А впрочем, может г. Дадонов это вспомнит, а пока вернемся к главному обвинению, что мы «глубоко равнодушны к знанию».

Г. Дадонов уже получил ответ на свою статью от г. Шестернина, который указал наблюдательному г. Дадонову, что он взял ошибочную цифру, т. е. «вместо порося взял вола», мы же скажем, что с ним бывают ошибки и в обратном смысле. Так, говоря о числе читающих, он заявляет: «Группа читателей в возрасте от 20 до 30 лет составляет 23%». Откуда почерпнута эта цифра, мы не знаем, да это и не так важно для нас. Но вот что видно из отчета общества трезвости, который отражает как раз то время, которое описывает г. Дадонов. По возрасту распределение читателей показано в следующей таблице:

|            |            |          |        |
|------------|------------|----------|--------|
| В возрасте | до 15 лет  | 159 чел. |        |
| " "        | от 15 " 20 | 818      |        |
| " "        | " 20 " 25  | 240      | 16,41% |
| " "        | " 25 " 30  | 160      | 10,91% |
| " "        | " 30 " 40  | 54       |        |
| " "        | " 40 " 50  | 27       |        |
| " "        | Выше 50    | 8        |        |

Итак, оказывается не 23%, а 27%. А как много читателей нерабочих, видно из следующей таблицы:

|                   |      |    |
|-------------------|------|----|
| Фабричных рабочих | 1155 |    |
| Ремесленников     | 108  |    |
| Торговцев         | 27   | 8% |
| Разных            | 95   |    |
| Без занятий       | 81   |    |

Итого ..... 1466 читателей.

Это тоже показывает хорошо, кто читает книги, а если еще сопоставим число читателей с одной стороны и число томов книг с другой, то ясно, почему многие читатели не постоянны:

|                        |                              |
|------------------------|------------------------------|
| Число читателей        | 1466                         |
| Число книг             | 1496                         |
| Выдано книг за 14 мес. | 14211 (первое место—Гоголь). |

Выходит, что рабочие, правда, читают очень скверные книги, но это происходит не потому, что у них такой вкус, а за неимением хороших книг. Если бы г. Дадонов вздумал порицать крестьян за то, что они едят лебеду, а не хлеб, то это было бы вполне аналогичное обвинение тому, которое он пред'являет к иваново-вознесенским рабочим. Г. Дадонов, упрекающий рабочих в равнодушии к знанию, что вы сделали, чтобы предотвратить у них такое равнодушие? Ничего! Упрекающий рабочих, что они смешивают земство с урядником, что вы написали хорошего о земстве? Ничего! Когда рабочий получал образование в сельской, в церковно-приходской школе, то что хорошего узнал он там о земстве? Ничего! Если будет написана популярная брошюра о земстве и его деятельности, будет допущена такая брошюра в библиотеку общества трезвости или фабричную? Нет! А будет ли возможность от этого получить ее рабочему? Нет! Хорошие книги, написанные популярными авторами, из которых интеллигенция черпает знания, такие книги может ли получить рабочий в библиотеках о которых вы пишете? Нет! Книги, которые получает рабочий из библиотек, дают ли ему настоящие знания? Нет! Могут ли интересоваться получаемые из упомянутых пяти библиотек книги мало-мальски развитого рабочего? Нет! Доступна ли для рабочих лучшая описанная вами библиотека (публичная)? Нет! И так без конца: нет, нет, нет, ничего, ничего, ничего, а потому делать заключение на нет и ничего все равно, что считать от десяти книзу, и получится ничего. Это самое г. Дадонов и доказал, и стоило ли из-за такой чепухи огород городить? Разве не сделано все возможное, чтобы отохотить рабочих от библиотеки, в которой бывает мастер, конторщик и кое-кто другой? Разве у нас культурность и самостоятельность, а тем более возвышение личного достоинства не служит еще во вред рабочему? Разве наши фабричные библиотеки редко служат местом тайного наблюдения за благонадежностью рабочих? А относительно публичной библиотеки есть основание утверждать, что она-то уж в этом отношении не может быть названа безвинной овечкой. Разве в библиотеках для народа не сделано все, дабы по возможности извратить природу человека из более порядочной в мерзкую? Разве гг. Комаровы мало потрудились и трудятся на этом поприще! Ведь они-то туда несомненно допущены. А допущено ли туда «Русское Богатство»? Сомневаемся. Но главная причина, почему рабочие плохо идут в библиотеки, заключается отчасти в плохом подборе, отчасти в ужасной бедности книгами последних, а потому в трудности получить намеченную книгу даже из такого плохого подбора, и если часто читатели выбывают, то виною тому служит нередко сама библиотека. Мы уже указали на цифры упомянутого отчета: всех читателей 1466 человек, а томов всего 1496 или 1.074 названия, что это значит? А то, что, если бы все подписчики взяли по одной книге, то в читальне осталось бы не больше 2% книг или читальня обанкротилась бы. И вот поэтому желающему почитать приходится довольствоваться всякой гадостью. Вот что еще говорит упомянутый отчет: религиозно-нравственных книг 20%, а берут их только 10%, тогда как по словесности книг 60%, а берут 66%. Это как нельзя лучше подчеркивает, в чем чувствуется недостаток. Бросается в глаза то, что г. Дадонов не желает считать читателями людей, которые походят некоторое время и оставят библиотеку за невозможностью получить там книгу.—Дальше. То утверждение г. Дадонова, что ни одной книги на дому нет в целом районе с 20,000 жителей, — явная и безграничная ложь, чтобы не сказать больше. Рабочие постоянно имеют свои тайные библиотеки, где мало книг, но за то все книги на подбор и постоянно читаются. И вот этот-то настоящий читатель редко когда пойдет в упомянутые библиотеки, во-первых, рискуя выделиться, во-вторых, не имея надежды получить там что-нибудь хорошее. Очень часто и в Иваново-Вознесенске рабочий развитый принужден носить личину глупого человека. Г. Дадонов не знает и не поинтересовался узнать, как оберегается вся Владимирская губерния от знания, а тем более от социализма, — не страшитесь, г. Дадонов, этого слова! Было несколько лиц, желавших открыть в Иваново-Вознесенске книжную торговлю, но они постоянно получали отказ в разрешении. Не отказывали ли им из опасения, что не будет покупателей?

В Орехово-Зуеве есть книжная торговля, но там строго воспрещается продавать хорошие популярные книги, и желающие купить наталкиваются на «нет» и «ничего». Там же рабочие постоянно жалуются на неудачи в библиотеке — это жалобы общие. В Шуе (см. корресп. в ном. 6 «Искры») один из рабочих, выйдя из библиотеки и пройдя несколько саженей, был остановлен городовой, который справился: «что за книга» и потом, убедившись сам, какая и откуда выдана, возвратил обратно рабочему. Не будь на этой книге штемпеля библиотеки, едва ли бы рабочий так скоро получил книгу обратно. Можно быть уверенным, что упомянутый городской имел инструкции относительно наблюдения. А жандармский ротмистр на чинимом им допросе сурово спрашивает рабочего: почему он взял читать именно такую книгу, а не религиозную, какое-нибудь житие? И диво бы еще книга была какая-нибудь особая, а то по каталогу, одобренному министерством! Все это, конечно, рабочие потом узнают, и слабые духом трепещут потом перед входом в библиотеку: желание получить книгу — с одной стороны и страх — с другой. А знаете ли, г. Дадонов, каково бывает положение рабочего, когда против него действуют темные силы? Возьмем опять Орехово. Там власти арестовали сочинения Решетникова, как воспрещенную книгу, и потом на основании этого уничтожают такие книги. Как говорили, там же в библиотеке нельзя рабочему добиться порядочной книги: говорят — занята, а конторщики держат месяцами по два по три тома на квартирах, и вообще часто замечают, если рабочий спрашивает порядочную книгу в фабричной библиотеке, то почти постоянно получает отказ, — книга занята, хотя на самом деле она спокойно лежит на полке. Как заботятся о развитии у рабочих чтения, видно из того, что существует параграф, карающий за чтение вслух в казарме, хотя бы читали вслух для безграмотного рабочего. Пусть не сердится на меня г. Дадонов, что я зайду за границу Владимирской губернии, в Богородск. Рабочих на фабрике З. Морозова кормят самой отборной умственной галостью, и потому рабочим незачем ходить в библиотеку. Если там Достоевского нет, то что же можно получить порядочного для удовлетворения умственной потребности, кроме лубочных изданий и поповских глупых наставлений и одурачиваний?

Таковы в общих чертах способы и средства удовлетворения умственных потребностей рабочих. Из вышеизложенного видно, что как будто дают возможность читать и стремятся удовлетворить умственные потребности, призывают официально эту необходимость удовлетворения правительством, фабриканты и разные общества, с одной стороны. Но и не как будто, а на самом деле ревут, вопрошают, предписывают: как смеешь читать безграмотному? Как ты выдумал читать в казарме вслух? Выгнать его на вольную квартиру!.. Почему читаешь не религиозные, а такие? Нет такой книги, занята. Кто такой, где работаешь? Это с другой стороны. И вот при таких условиях, когда слышишь, что изрекают: «глубоко равнодушны к знанию», то неужели для нас человек, произносящий такой приговор, не будет казаться возмутительным? Г. Дадонов говорит: «Во всех названных читальнях (пяти) находится около 8.000 томов и ими пользуется около 3.000 читателей». Есть основание не верить г. Дадонову, так как в одной читальне общества трезвости находится, как мы видели, 1.466 человек, почему же при одинаковом количестве книг в каждой (конечно, не абсолютно) не предположить, что и читателей почти столько же во всех прочих библиотеках. Если г. Дадонов тут сказал неправду, то пусть это останется на его совести. Для нас вполне ясно и доказательно, что ни в одной библиотеке хорошие книги не залеживаются, а если разная ерунда и остается «для выбора», то мы не имеем основания печалиться, что ее не читаем. Читать религиозно-нравственные книги может тот, кто желает поглупеть, мы же искренно этого не желаем. Остается еще сказать кое-что о публичной библиотеке, где г. Дадонов видел, что рабочие не считают нужным уделить... «20 коп. в месяц из своего 15—20-рублевого заработка». Пусть простит мне читатель, что я не признал г. Дадонина крыловским героем, который слона-то и не приметил, а очень зорким и наблюдательным человеком. И тяжело мне признаваться, ну, да что делать, покаюсь! Ведь и, правда, читатель, слона-то он и не приметил! Ну, и штуку удумал-таки г. Да-

донов! Что же такое? А то оказывается, что нужно внести 2 руб. за чтение, да тут же четыре рубля залогом за книгу оставить. И диво от большого заработка, а ну как в зимнее время рабочий заработает 8—9 руб. в мес., а тут залогом такую оказию — четыре рубля за чтение... Ох, не с руки это нам, г. Дадонов! Поверите, ей богу не с руки! Статочное ли дело половину заработка отдать в залог за книги, когда и на хлеб со шами чувствуем недостаток. Нет уж увольте, как-нибудь обойдемся!.. Да и то по секрету вам нужно сказать, небезопасно туда ходить нашему брату. Пошел так-то один, он не удовлетворился этими библиотеками, про которые вы нам сообщили, ну, вот запомнил он более порядочных книг названий пять, да прямо в публичную.

— Так и так, позвольте, мол, мне такую-то книжку.

— Такой нет.

— Ну, такую.

— И такой нет.

— А такую?

— Тоже нет.

— Позвольте тогда Дарвина.

— Да ты кто такой?

— Рабочий.

— А где работаешь?

— Вам это зачем?

— Ну где ты живешь? — и т. д.

Наконец рассказал рабочий все, где живет, где работает, да так без книги и ушел из публичной. Наверное, потом рабочего искали на фабрике, но оказалось, что он сказал не настоящее имя, а выдуманное. Так вот оно что, г. Дадонов! Уж не потому ли вам отвечали, что рабочие не интересуются бытом рабочих в других странах? А ведь и правда, г. Дадонов, потому! Ларчик-то, оказывается, открывается очень просто, а вы столько времени ходили кругом да около напрасно, совсем напрасно! Для нас очень понятно, что вам ответили относительно отсутствия у рабочих интереса к бытоописанию жизни рабочих в других странах и относительно других вопросов. «Овцы там наверное были? Ох, нет, про них-то и забыли!» Г. Дадонов тоже устроил нечто похожее на волчий суд. Для того, чтобы утверждать, что рабочие равнодушны к знанию и не хотят ничего читать, нужно в Иваново-Вознесенске открыть библиотеку не меньше, чем на 25.000 томов и притом не по выбору министерских каталогов или, еще хуже, каталогов для библиотек обществ трезвости, а по выбору читателей и чтобы там не смотрели на рабочего, как на существо низшее, и чтобы у рабочих не арестовывали Решетникова, как книгу воспрещенную, — тогда и видно было бы стремление рабочих к знанию. Гг. Дадоновы, действующие в интересах Сипягиных и т. п., пусть не забывают, что последние держат дубинку с надписью: «на основании 144 ст.» и т. д., которой постоянно готовы ошарашить по голове «Русское Богатство» и другие органы и таким образом не удастся замолить своих грехов перед Сипягиным статьями гг. Дадоновых.

А позвольте спросить вас, г. Дадонов: что сделано для нас в смысле газет? Есть ли хоть одна порядочная газета? И если есть, доступна ли она по цене иваново-вознесенским рабочим? Рабочие, выписывающие газеты, могут ли они что-нибудь почерпнуть из них порядочное? Нет! И пока нет надежды получить порядочную газету, дающую рабочему что-нибудь добросовестное, которая говорила бы правду прямо в глаза, не стесняясь. Газеты же, подобные «Свету», могут только унижить, одурачить рабочих; «Биржевые Ведомости» тоже стараются доказать, что рабочие невежественны, тогда как жалованье получают большое (должный ответ получил г. Независимый от слесаря). «Биржевые Ведомости» рассуждают так: стоит их величеству слово сказать, и земной шар тотчас же раскроется пополам, и из него, как из арбуза, посыпятся зернышки в виде разных циркуляров об ослаблении цензурных условий, и гг. редакторы умильно будут их подбирать. Их же величество, выбросивши несущественную часть, продолжает сосать соки из русского народа. Выходит, что русскому рабочему нет никакой возможности развиваться цензурно, и потому он охотно склоняется достигать этого бесцензурным путем, и вот выходит, что где бы ни появлялась нелегальная литература и в каком-угодно количестве, ее все равно чув-

ствуется большой недостаток, рабочие читают ее, интересуются ею, скрывают ее, хотя все это сопряжено с большими неудобствами и нередко небезопасно для личности. Пусть доставит нам г. Дадонов что-либо порядочное, и мы найдем желающих прочесть доставленное и людей, несомненно интересующихся наукой и знанием. Вообще лучше было бы, чтобы гг. Дадоновы приходили не смотреть, что читают, а принесли бы что-нибудь прочесть. Если этого они не желают нести рабочему, то пусть несут крестьянину, который духовно в десять раз голоднее рабочего фабричного или заводского, и все же для таких голодных гг. Дадоновы не желают пальцем о палец ударить. У нас хулителей всегда было и есть слишком много, а порядочных людей нам редко приходится встречать и тем с большим удовольствием встретим всякого желающего делать посильное для просвещения. Да простится мне: хотел бы спросить: много ли читает интеллигенция с клеймом известного образования в каком-нибудь провинциальном городке, как-то: становой, исправник, следователь, поп, помещик, чиновники, земские начальники, офицеры? Можно сказать, не преувеличивая, что они больше заняты картами и пьянством, нежели чтением, а, кажется, и образование получили не такое, как рабочий, времени имеют чортову пропасть против рабочих, не так тесно живут, да и кормятся против нашего куда как не плохо. Отчего это, г. Дадонов?

Относительно театров—факт общеизвестный и подтверждения не требующий, что всюду бывают театры полнехоньки, если только в них ставятся порядочные вещи и хорошо исполняются и если цены местам недороги, да притом слышно со сцены в дешевое место, что не всегда на самом деле бывает. И если г. Дадонов рабочих не заметил, то возможно, что он ожидал в театре встретить рабочих с засученными рукавами, как они бывают на фабрике или выходят из последней. Наблюдательность г. Дадонова мы знаем.

Пойдем дальше. Г. Дадонов говорит вот что. «Незаметно никаких симптомов кооперативного движения». Если он не заметил никаких симптомов, то мы заметили целое общество потребителей, его лавки, его устав. На это же самое отвечал г. Шестернин, но мы скажем по этому поводу кое-что другое, чего не сказал г. Шестернин. Именно, что в данный момент в России какая бы то ни была правильная кооперативная деятельность парализована или, если хотите, терроризована. Если рабочие где что-либо подобное вздумают устроить и сразу не будет видно, что это учреждение чисто буржуазное, то прежде всего они должны доказать свою благонадежность, а так как в благонадежность предрешающие власти постоянно не верят, то и выходит, что еще устав общества не выработан, а некоторые члены уже знают кузькину мать. А пока этот устав таскается по канцеляриям, то и остальных членов постараятся силой куда-нибудь спровадить. В России было очень большое количество подано всяких уставов, но утверждено было слишком мало и то такие, где почетным членом или обязательным состоит губернатор, фабрикант, заводчик, фабричный инспектор и т. п. И быть уверенным, что в таких обществах есть основание думать об улучшении положения рабочих, все равно, что утверждать, якобы земские начальники отцы родные для крестьян...

Постоянно у рабочих в больших городах есть желание открыть клуб для рабочих, но его пока еще не разрешили. Поэтому рабочий в силу необходимости шел в трактир послушать орган или гармонику, и остроумничать над этим нехорошо господам литераторам. Разрешенные же общества постоянно должны чувствовать и находиться под страхом закрытия, на собраниях должны говорить оглядываясь, как бы какая жаба или гадюка не прыгнула на шею; постоянно дрожать за денежный фонд, как бы его не арестовало и не присвоило правительство. Стоит только допустить мысль о стачке и помощи такого общества своим членам-стачечникам, как уже общество прикажет долго жить по распоряжению губернатора. Очевидно, г. Дадонову неизвестно, что случаи очень не редки, когда рабочие выработали уставы и, только написавши, успевали подать, как все подписавшиеся были арестованы и административным порядком попадали в Архангельскую, Вологодскую, Вятскую губернии. И уж не потому ли, что у них

было «незаметно никаких симптомов кооперативного движения»? Сумеет уверить г. Дадонова, что мы это говорим на основании фактов, и не в наших интересах говорить против коопераций. Только трезво смотря на действительность, приходится признаться, что при современном политическом бесправии, кооперации не могут быть настолько полезны рабочим, насколько правительству. Всякий энергичный рабочий, увлекшись кооперациями, этим осудит себя на толчение воды в ступе или топтание на одном месте. В десять лет при современном бесправном положении кооперация не сможет дать того, что она сможет дать в один год при политической свободе, а потому мы больше желаем, чтобы увлекались нелегальным просвещением масс (агитацией), а не кооперациями. Всякий знает, каковы современные существующие кооперативные общества и потребительные лавки, во что они выродились в России. Именно, местами они носят характер чисто буржуазных учреждений, местами—хороших хозяйских способов получения от рабочих обратно заработка, местами—чисто бюрократическое (чиновничье) учреждение, местами — затрудняюсь назвать, но смысл таков: дайте ваши деньги, мы ими будем распоряжаться! Теоретически цель обществ почти всюду одинакова и выражается словами § 1: «учреждается с целью доставления своим членам по возможно дешевой цене жизненных продуктов» и т. п.; это, как мы сказали, теоретически, а на практике совсем другая песня.

К первому порядку можно причислить лавки на паях (например, такая лавка в Спб. на Путиловском заводе). Устанавливаются сначала основания нескольких паев. Часто, конечно, пайщиками состоят не рабочие, и вот как только дело встало в коммерческом смысле на ноги, пайщики стремятся сократить число паев или, если этого нельзя сделать, забрать пай в меньшее количество рук, и тогда ценность пая растет так, что простой рабочий сделаться пайщиком не может; правда, он перестает и думать об этом. Пайщики получают хороший дивиденд, а заборщики, если кое-что и получают, то только в хорошей лавке и в счастливый год. Делами лавки вертят несколько лиц, и заборщики никакого влияния на них не имеют. Другой случай. На фабриках и заводах очень много лавок, открытых на средства хозяев, и ими же ставится администрация, они же и получают все доходы. Захоти рабочий там устроить что-нибудь свое кооперированное, и они немедленно будут уволены с фабрики или даже познакомятся с гг. Сипягиными, и последние не преминут применить к ним административные меры воздействия. Рабочие же, приходя в лавки, где они принуждены платить кровные деньги, должны себя держать, как на фабрике: тут тоже фабричное начальство, оно одинаково может прогнать с фабрики, а потому — бери, не разговаривая, что дают. Служить средством борьбы кооперации не могут, в данном случае приходится рамки экономической борьбы расширить до политической. В третьем случае лавки при железных дорогах всюду носят характер чиновничий и, хотя главный доход получается с рабочих, но последние не могут провести достаточное число рабочих в управление лавки, а те, которые попадают, идут на помочах у чиновников. В-четвертых. Есть лавки, где трудно отличить администрацию лавки от администрации завода, несмотря на то, что первая выборная (Брянские заводы). Представьте себе, что в администрацию лавки попадает человек, нежелательный администрации завода. И что же? Она такого человека спокойно увольняет с завода, и он тогда лишается права быть не только членом правления лавки, но даже простым заборщиком таковой. И это может случиться не только в упомянутой лавке (Брянских заводов), но почти в каждой. В-пятых, Ореховская лавка функционирует на деньги рабочих, и всякий, кто желает забирать в ней, должен определить сумму своего забора, предположим, 10 руб., и таковую вперед внести и только тогда может быть заборщиком, но не больше, как на ту сумму, какую внес. Это, кажется, последнее слово кооперации в России. И тут администрация выборная, но при выборах собравшиеся мастера, конторщики и прочая фабричная администрация фактически являются вершителями судеб лавки. Рабочие стоят позади и только подталкивают контористам, которые, конечно, предлагают своих кандидатов... Вот в общих коротких словах система наших кооперативных обществ, и та работа, которая в них

выпадет на долю рабочих, работа незавидная! Но зато рабочие повсюду в них являются стадом овец, которых стараются почаше стричь. Посмотрим, что выигрывают рабочие, если они забирают в кооперативных или общественных лавках. Всюду в России в любой такой лавке вот как поступают. Самая хорошая, мягкая часть мяса попадает управляющему на стол, потом мастерам, конторщикам, смотрителям, приказчикам, а кости, жилистая часть, словом, плохое мясо попадает рабочим, залежалое мясо — тоже рабочим, попортилось — тоже им. Недавно пришлось слышать, как в Орехове усиленно сбывали рабочим солонину с червями. Именно — «сбывали»: кто написал 2 фунта, тому весили 3 фунта и т. п. Спыхватившись, рабочие перестали писать мясо и этим только спаслись; кто выписал, тот уже не мог не взять. Если кто из заборщиков сделает замечание на плохое качество товара, то целая буря поднимется против него. В лучшем случае вырвут у него из рук и крикнут, что, мол, если не хочешь брать, тогда и писать было не нужно. Хорошо, если рабочий молча уйдет, а то бывает и хуже: запишут номер книжки, а там вызов в контору, где громовые слова: бунт, возмущение, стачка, тюрьма, Сибирь так и сыпятся на голову строптивого рабочего. Бывает, что управляющий лавки заставляет уволить рабочего с завода или фабрики, и это только за то, что рабочий не пожелал взять плохое мясо или же указал на какой-нибудь случай злоупотребления. Нужно еще взять во внимание, что постоянно приходится долго ожидать, пока получишь желаемый продукт. Бывают очень нередко ошибки, что заборщик наберет на 8—9 р., а у него вычтут в получку 12—15 р. Туда-сюда суется рабочий, наконец, удастся установить ошибку, но деньги-то задержали, и потому жди до следующего месяца. Но если ошибка произошла не на 5—6 руб., а на 1 рубль или 50 коп., то рабочий махнет рукой в большинстве случаев: так приятно для него доискаться ошибки! Но самую главную вину можно выставить против современных кооперативных лавок ту, что они поступают как раз наоборот против целей своего основания, т. е. продают товары не всегда доброкачественные, а берут очень часто дороже частных торговцев. Так, упомянутая (брянская) лавка берет на некоторые товары 20—25% дороже, а 5—10% — это явление у нас самое заурядное; ив.-вознесенская продает товар не дешевле частных лавок, но зато последние при расплате скидывают 2—5%, общество же этого не делает; в Орехове мясо продают в потребительных лавках дороже, чем в частных, и притом третий сорт не записывают, это значит, что его считают за второй сорт. Обращение всюду с заборщиками грубое, кто почище и с положением, тот постоянно пользуется привилегиями... Это все, во что выродилась у нас благородная идея кооперации. То, что местами за границей служит облегчением и помощью для рабочих, то у нас пока еще есть бич рабочих, и немудрено, что повсюду кооперативные лавки не приобрели еще симпатий рабочих, и не сладки плоды, пожинаемые рабочим от коопераций!

Поэтому-то гг. Дадоновы и могут говорить об отсутствии симптомов и стремлений...

Еще не все! Относительно коопераций наши Сипягины могут сказать, что они у нас разрешаются и никаких особых препятствий против них нет. Они (Сипягины) все делали, дабы загадить благородную идею и идут уже гораздо дальше. Так, недавно один жандармский ротмистр разъяснял, что его превосходительство г. губернатор охотно разрешает и даже сочувствует артелям Левицкого, и потому-де рабочим этого опасаться не следует: преследовать, мол, за это не будут. А Святополк-Мирский тоже говорил: «Чего бы тут (в Екатеринославе) не устроить какого-нибудь рабочего союза?» Не знаем, легко ли он разрешает теперь рабочие союзы? Впрочем, он человек предупредительный... Едва ли мы ошибемся, если скажем, что правительство позаботилось своевременно извратить смысл кооперации, загадить благородную идею, а теперь, чувствуя приближение неизбежности рабочих союзов, оно старается направить их по руслу ошибок, неудач и тем парализовать их хорошие стороны. Таков смысл их неподдельного сочувствия. Поэтому приходится быть вдвойне осторожным и очень зорким, чтобы все подметить своевременно (советуем гг. московским профессорам, устроителям бесед с рабочими, вникнуть в эти слова. Редакция). Вполне ли это удастся, сказать трудно.

Заканчивая свою статью, г. Дадонов говорит: «Точно также извне пришла на фабрику жажда света, культуры». Не думает ли г. Дадонов, что свет пришел на фабрику с военной службы? И что солдаты несут туда культуру? Если да, то очевидно, что у г. Дадонова и чертополох сойдет за шелковицу. Я же приведу такой пример: в настоящее время служит в солдатах один из бывших фабричных, который видел фабричный «бунт», да и сам не был простым зрителем; уходя в солдаты, он оставил после себя товарищей. Так вот пишет этот солдат: «Я своего дела и тут не оставляю, и есть у меня таких же людей, как и я, человек десять»... Ага! оказывается, опять ларчик открывается просто, и становится понятно, каким путем знание проникает в головы солдатиков. А нужно сказать, теперь из фабричных и заводских рабочих попадает-таки на службу не мало людей, которые просят прислать им книжонок, да получше, а при случае с оказией и нелегальных послать. Вот что знаем мы, рабочие. Скажу еще вот что: из Иваново-Вознесенска высылают рабочих, не менее интеллигентных, чем Иван Фролов (о котором упоминает г. Дадонов), хотя, может быть, они и не занимаются стихами и вам известны не были. И все же в Иваново-Вознесенске остаются еще развитые рабочие, хотя сюда никаких неблагонадежных не пускают. Выходит даже некоторая аналогия (сходство) с университетом: как университет выпускает и высылает часть «света и культуры» в разные уголки России, так точно и Ив.-Вознесенск рассылает со своими рабочими «свет культуры» во все концы России.

Рабочий за рабочих.